

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Балтийские волны

1 2011

ЖУРНАЛ

Финляндского русскоязычного литературного объединения

Хельсинки 2011

Главный редактор

Соломон Кагна

<http://solomonkagna.ucoz.ru>**Редакционный совет**

Александр Илойнен

Полина Копылова

Марина Крошнева, кандидат филологических наук, доцент

Денис Мокроусов

Компьютерный дизайн

Денис Мокроусов

Корректор

Ирина Пилар

Журнал выходит два раза в год — весной и осенью.

Подписка на журнал принимается по e-mail:

balticwaves@gmail.com

Информация о журнале расположена на сайте

<http://balticwaves.ucoz.ru>

Тексты для публикации принимаются по e-mail:

balticwaves@gmail.com

Перепечатка материалов только с разрешения журнала.

Позиция редакции может не совпадать с точкой зрения авторов.

Присланные материалы не рецензируются.

Издатель: Финляндское русскоязычное литературное объединение

© Балтийские волны 1 2011

Издание осуществляется при поддержке

Министерства образования Финляндии

KAUNOKIRJAILISUUDEN JULKAISU

Itämeren aallot

1 2011

Suomen venäjänkielinen kirjallinen yhdistys RY:n
LEHTI

Helsinki 2011

Päätoimittaja

Solomon Kagna

<http://solomonkagna.ucoz.ru>**Toimitusneuvosto**

Aleksanteri Iloinen

Polina Kopylova

Marina Kroshneva, lisensiaatti, dosentti

Denis Mokrousov

Taittovedos

Denis Mokrousov

Korrehtuurinlukija

Irina Pilar

Aikakauslehti ilmestyy kaksi kerta vuodessa, keväällä ja syksyllä.

Lehti tilaus e-mail:balticwaves@gmail.com**Tiedonanto lehdestä:**<http://balticwaves.ucoz.ru>**Julkaistavia kirjoituksia otetaan vastaan osoitteessa:**balticwaves@gmail.com

Lähde mainittava kirjoituksia lainattaessa.

Lehden kanta ei välttämättä ole sama kuin kirjoittajan kanta.

Lähetettyjä aineistoja ei arvioida.

Julkaisija: Suomen venäjänkielinen kirjallinen yhdistys RY

© Itämeren aallot 1 2011

Julkaiseminen tapahtuu Suomen opetusministeriön rahallisella tuella

Оглавление

Соломон Кагна	7
ИЛЛЮЗИЯ ВЫБОРА.....	7
ПРОЛОГ.....	7
НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА.....	7
Часть первая.....	20
МОРЕ ЗОВЁТ.....	20
Глава первая.....	20
В МОРЕХОДКЕ.....	20
Алексей Шкваров	33
Предложение от Мартина Лютера.....	33
Полина Копылова	48
Virago.....	48
Главы из романа «ТОРНАДО».....	48
День первый.....	48
День второй.....	55
День третий.....	57
День четвертый.....	59
МАРИЯ ЧУЛКОВА	66
Об авторе.....	66
СЕМЬЯ И МОРЕ.....	66
Она о нем.....	67
М О Р Е.....	68
Кирилл о брате и себе.....	69
В И К И Н Г.....	70
Он о ней.....	72
МУЗЫКА НА ВИКИНГЕ И ВНУТРИ ЕГО.....	74
Мама и Кирилл.....	77
МОРСКОЙ ШТОРМ.....	79
Легко ли высказать свое мнение? Подопечные Кирилла.....	81
Миша и сын или подслушанный разговор.....	84
Ночной диалог у Аландских островов.....	86
Критика и публицистика	89
Марина Крошнева	89
ВАЛААМСКАЯ ОБИТЕЛЬ.....	89
Паломничество на Валаам.....	89
Святой Валаам в творчестве поэта русского зарубежья Ивана Савина.....	92

Юмор и сатира	97
Соломон Кагна	97
Пародии.....	97
Компьютерное рифмоплётство.....	97
Вечная любовь.....	98
Антон Макуни	99
ВСУХУЮ!.....	99
(записки вратаря).....	99
Г А Д А Л Ь Щ И К.....	100
Книги наших авторов	103

Соломон Кагна

Печатался в русскоязычных газетах и журналах Финляндии. В настоящее время живёт в Хельсинки.

ИЛЛЮЗИЯ ВЫБОРА

Роман в трёх частях с прологом и эпилогом.

Журнальный вариант.

ПРОЛОГ

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Писатель – это то, что он пишет, и он становится тем, о ком пишет.

Дин Кунц, американский писатель

...Все образы, которые мы создаём, — это лишь копии с нас самих.

Сомерсет Моэм. Пироги и пиво, или Скелет в шкафу.

Какие только перипетии не подстраивала мне судьба! Куда только она меня не забрасывала! Откуда-то в памяти моей застрял то ли стишок, то ли куплет:

Судьба играет человеком,
 Она изменчива всегда,
 То вознесёт его высоко,
 То в бездну бросит без стыда.

Много чего испытал я в жизни своей. И на хорошей должности был, и без работы насиделся, и на пороге тюрьмы пребывал, куда не угодил только по счастливому стечению обстоятельств... Может быть, я когда-нибудь напишу обо всём этом, если Господу Богу будет угодно продлить мои грешные дни и дать мне силы для свершения моих замыслов. Казалось бы, что особенного может произойти в жизни ничем не примечательного студента университета, а затем заурядного научного сотрудника. Ан нет! Вечно впутывался я во всякие истории из-за авантюрного склада своей натуры. В конце концов забросила меня судьба в славный город Хельсинки...

Как-то в один из солнечных декабрьских дней, довольно редких в Хельсинки в это время года, фланировал я по Эспланаде.

— Слон! — услышал я чей-то возглас. Не обратив на это никакого внимания, продолжал я свой путь.

— Слон! — послышалось уже ближе. «Бог ты мой! — вдруг осенило меня. — Да это же моё школьное прозвище!»

Мои одноклассники сократили на три буквы моё трёхсложное имя, в результате чего получилась односложная кличка. Я оглянулся. Ко мне приближался какой-то мужчина. Несколько мгновений вглядывался я в него, прежде чем признал своего бывшего одноклассника.

— Лёшка?!

— Он самый! Привет, Слон! Ты как здесь оказался?

— Я теперь здесь живу.

— Вот как! Как и я. Пошли, выпьем за совпадение!

Мы сидели за бутылкой креплёного вина и вспоминали давно забытые школьные годы. Тогда мы с Лёшкой общались не очень уж много. Так, перекинемся иногда парой фраз. Да он и вообще ни с кем особенно не дружил, был всегда как-то сам по себе. В старших классах, в последние три года, было заметно, что ему на уроках стало отчаянно скучно. Он или откровенно спал на последней парте, что очень раздражало учителей, или отпускал насмешливые реплики, а это их прямо-таки бесило. Иногда он пропадал и не появлялся в школе несколько дней. Меня всегда удивляло, как при всём этом он умудрялся получать, в общем-то, неплохие отметки.

За два года до выпуска в нашу школу прислали нового директора весьма скобаристого вида. До этого директором у нас был сухопарый интеллигентик в очках, который в дополнение к своим директорским обязанно-

стям ещё преподавал историю. А этот ничего не преподавал, видимо, из-за своей полной неспособности к такому делу, он только «руководил». Мне было на него в высшей степени наплевать, и я всегда проходил мимо него, как мимо пустого места, но у Лёшки с новым директором сразу сложились напряжённые отношения.

Пётр Иванович Гусев, так звали нового директора, обожал порядок. Не дай Бог, ежели на переменах кто-нибудь начнёт бегать. Все должны были только чинно прогуливаться – и не более того. Для поддержания порядка повелел директор назначать дежурными старшеклассников, которые, будучи отмеченными красными повязками на левом рукаве, должны были решительно пресекать все попытки несанкционированной беготни.

Всё началось с того, что на одной из перемен Лёшка с упоением носился кругами по залу. Видимо, энергия, накопленная во время отсыпания на уроках, требовала выхода. Он был так увлечён своим занятием, что совершенно не заметил директора, который по своему обыкновению на время перемены покинул свой кабинет, дабы лично наблюдать за порядком во вверенном ему учебном заведении. Директор несколько раз порывался перехватить Лёшку, но тщетно. Лёшка на большой скорости мчался по кругу, в центре которого находился директор. Мы давились от хохота, наблюдая этот спектакль.

Наконец директор изловчился и схватил Лёшку за рукав. Лёшка остановился и с изумлением уставился на неожиданно возникшее препятствие. От возмущения директор не мог сказать ничего членораздельного, из его глотки вырывались только какие-то не то булькающие, не то хрюкающие звуки. Пикантность ситуации усугублялась тем, что Лёшка в этот день был назначен дежурным, о чём свидетельствовала красная повязка на рукаве, как раз на том, за который ухватил Лёшку директор.

С этого дня невзлюбил директор Лёшку. Со временем взаимная неприязнь всё возрастала. Директор не мог пройти мимо Лёшки, чтобы не сделать ему какого-нибудь замечания. Получалось это у него не очень складно, так как он был на редкость косноязычен, что весьма необычно для руководителя любого ранга. Видимо, он и сам это чувствовал, а Лёшка ещё и подчёркивал, что ему плевать на его невнятное бормотанье, смотря на директора с довольно-таки нагловатой насмешливой полуухмылочкой.

Однако такое поведение даром ему не прошло. За пару недель до выпускных экзаменов директор вдруг объявил, что у Лёшки очень много прогулов, и на этом основании Лёшка не может быть допущен к экзаменам на аттестат зрелости. И вообще, он, директор, накладывает на Лёшку за эти самые прогулы «взыскание». Впрочем, директор всё-таки оставил Лёшке тень надежды. Он передал через классную даму, что если Лёшка пожалует на педсовет, который состоится в кабинете директора, и там

«взыскание» будет снято, то к экзаменам его всё же допустят.

В указанное время Лёшка явился к месту назначения. Директор и возглавляемый им коллектив расположились по кругу, в центре которого поставили Лёшку. Педагоги-психосади́сты с вожделием взирали на свою жертву, ожидая начала самобичевания. Однако Лёшка молчал и, по своему обыкновению, только нагло ухмылялся.

Наконец директор прервал паузу:

– Ты зачем сюда пришёл?

Лёшка удивился. Он, конечно, ожидал вопросов, но не таких. Немного поразмыслив, он, со всей почтительностью, на которую был способен, ответил:

– Снять взыскание.

– Ну так снимай! – напирал на него директор.

Лёшка уставился на директора, всем своим видом показывая, что считает его полным и законченным идиотом. Директор взбеленился:

– Видно, он ничего не понял! Пусть придёт завтра вместе с родителями на расширенный педсовет!

Все разошлись.

И тут Лёшка сдрейфил. Конечно, вряд ли директор осмелится выгнать его из школы с волчьим билетом, но нагадить очень даже может. Лёшкина мать, узнав, что ей надо идти с сыном на педсовет, на котором будет рассматриваться вопрос о «взыскании», перепугалась ужасно. Она вообще боялась иметь любые контакты с властями, и особенно по кляузным вопросам. Лёшке пришлось её успокаивать:

– Тебе ничего не надо делать. Ты будешь только присутствовать. Сиди и молчи. Я сам буду объясняться.

На педсовете Лёшка каялся по всем правилам. Бил себя в грудь и приговаривал: «Да, я мерзкий, я гадкий... но теперь я глубоко осознал... искренне раскаиваюсь... прошу снисхождения...», – и тому подобные покаянные речи. Педсовет был удовлетворён. Только литераторша, имевшая зуб на Лёшку за то, что он отпускал ехидные замечания, когда она распиналась о персонажах, выписанных в духе соцреализма, решила продолжить психоэкзакуцию:

– А как Вы расцениваете Ваше вчерашнее поведение на педсовете?

Не исключено, что Лёшка нарвался на домашнюю заготовку, но он тут же нашелся, решив использовать директорскую формулировку:

– Вчера я не до конца понял, как мне надо было поступить.

Литераторша рассчитывала, что Лёшка будет всячески выкручиваться. Услышав такой наивно откровенный ответ, она немного замялась, момент был упущен, и дело закрыли.

Тем не менее, история эта имела продолжение. Лёшка не забыл свою Каноссу и на выпускном вечере построил всё-таки директору козью морду. Не думаю, что он сделал это с заранее обдуманым намерением, скорее всего, всё произошло экспромтом, но почва для него была хорошо подготовлена.

Когда выпускной вечер уже близился к концу, Лёшка, находясь уже в изрядном подпитии, подошёл к директору, довольно-таки основательно хлопнул его по плечу и громко, на весь зал, произнёс:

– Петя Гусь, ну ты и дурак!

Скандальчик получился отменный. Директор вытаращил на Лёшку глаза и лишился дара речи. Классная кинулась звонить Лёшкиным родителям:

– Ваш сын напился и хулиганит! Немедленно приходите с мужчинами и заберите его! А то мы сдадим его в милицию!

Через некоторое время пришла Лёшкина мать. Одна, без мужчин. Единственным мужчиной, которого она могла бы взять с собой, был Лёшкин отец, но, зная его буйный нрав, она не решилась его будить. Впрочем, никаких мужчин и не потребовалось. Лёшка спокойно ушёл домой с матерью.

После окончания школы мы с Лёшкой почти что не виделись. Так, иногда раскланивались при случайных встречах на улице. Потом Лёшка исчез, видимо, переехал в другой район. И вот теперь такая встреча через столько лет! Когда мы вдоволь наговорились о школьных годах, Лёшка спросил:

– Ну, Слон, чего ты сейчас подделываешь?

– Иногда пишу статьи, небольшие рассказы.

– Так ты что, стал писателем?

– Да нет, можно сказать, журналистом, да и то фрилансером.

– А это как?

– Ну, я внештатный. Хочу – пишу, не хочу – так нет, никакой обязанности.

– И что – печатают?

– Бывает.

– А где?

Я назвал пару изданий, в которых иногда появлялись мои статьи. Мне показалось, что Лёшка почему-то этим очень заинтересовался.

– И часто тебя печатают?

– Не очень, скорее редко.

– А где можно это почитать?

– Зайди на мой сайт, там кое-что есть.

Я разместил на своём сайте несколько статей и пару рассказов, не при-

давая этому, впрочем, большого значения.

— Хорошо, зайду. У тебя есть, чем записать?

— А чего там записывать? Имя, фамилия, точка, usoz, точка, ги. Легко запомнить.

Мы обменялись номерами телефонов и на этом расстались.

Через несколько дней, когда я уже забыл об этой встрече, раздался телефонный звонок. Это был Лёшка.

— Привет, Слон! Надо бы встретиться. Дело есть.

Я как раз работал над статьёй, которую надо было сдать не позже, чем завтра. Статья была о потеплении климата. Об этом уже много писалось в средствах массовой информации, и народ всячески запугивали катастрофическими последствиями этого самого потепления. А тут ещё только что прошла очередная конференция на эту тему, и я договорился с главным редактором журнала, что напишу статью, в которой эта проблема рассматривается с нетривиальной точки зрения. Я считал, что потепление или похолодание климата нашей планеты определяется вовсе не увеличением или уменьшением количества углекислого газа в атмосфере вследствие антропогенной деятельности (во всяком случае, это влияет на климат незначительно), а изменением солнечной активности и прозрачностью земной атмосферы.

Нас уже сколько раз пугали всякими катастрофами: то столкновением Земли с кометой или метеоритом, то глобальным компьютерным сбоем на рубеже веков, эпидемиями и панэпидемиями то птичьего, а то свиного гриппа, да мало ли чем ещё, вплоть до скорого конца света, а теперь вот выбросами углекислого газа в атмосферу. Интересно, эти журналоги, которые раздували слухи о компьютерной катастрофе, были действительно настолько тупые, что сами в это верили, или просто морочили головы своим читателям? И в том, и в другом случае это их прекрасно характеризует в определённом аспекте.

Нашлись беспринципные политики, которые стали рядиться в тогу радетелей блага человечества, борцов против выбросов углекислого газа в атмосферу. Устраивали пресс-конференции, снимали фильмы, разумеется, не забывая при этом о саморекламе. На самом деле их больше всего интересовали политические дивиденды.

Статью оказалось написать труднее, чем мне представлялось вначале. Помимо массы цифр, выкладок, различных сведений из геоистории надо было найти верный тон, чтобы статья не выглядела экстремистской. Так что мне было совсем не до встреч в тот момент. Тем не менее я вежливо ответил Лёшке:

— Хорошо, давай встретимся. Когда?

– Чем быстрее, тем лучше! Да хоть сейчас!
 – Сейчас никак не могу.
 – А когда ты сможешь?
 – Послезавтра.
 – Ну, ты даёшь, Слон! Первый раз вижу такого занятого пенсионера!
 – Мне надо завтра сдать статью.
 – А что за спешка? Ты же сказал, что пишешь, когда захочешь.
 – Всё это так, но если статья завтра не будет сдана, она не попадёт очередной номер. А в следующем номере её печатать не будут, так как она потеряет свою актуальность.

– Ну, Слон, какие у тебя заморочки! Ладно, послезавтра.

Мы встретились в кафе, на этот раз за чашкой кофе. Лёшка сразу взял быка за рога:

– Почитал я твою писанину, Слон. Гладко строчишь!

– Спасибо.

– Да нет, так и есть, без дураков! Вот решил обсудить с тобой одно дельце. У меня есть материал, из которого может получиться неплохой роман. Хочешь посмотреть?

– Вряд ли в этом есть смысл. Стар я уже, чтобы начинать романы писать.

– Брось, Слон, не прибедняйся! Ты себя в зеркале видел? Тебя же колом не убьёшь!

Лёшка, конечно, преувеличивал, особенно насчёт кола. Но доля истины в его словах всё же была. Я всегда старался поддерживать свою форму, насколько это было возможно.

– Да не в этом дело! Куражу у меня уже нет, чтоб роман затевать.

– Но ты же пишешь статьи, рассказы...

– Это совсем не одно и то же. Рассказ, хотя бы плохой, может написать любой, если у него есть время и желание, а роман даже плохой, может написать далеко не всякий.

Лёшка даже не подозревал, какую давно умолкнувшую струну он задел в глубине души моей. Теперь эта струна вдруг зазвучала с новой силой. Помню, ещё в далёком детстве я мечтал стать писателем. Лет в десять я начал писать свой первый роман, герои которого носили звучные имена, преимущественно французские: Мадлен, Робер и тому подобные. Когда встал вопрос о выборе профессии, я ещё некоторое время всерьёз рассматривал эту возможность. Я уже начал понемногу разбираться, что в действительности стоит за такими понятиями как метод социалистического реализма и партийность в литературе. В конце концов, мне стало ясно, что

вряд ли я смогу успешно работать в этой жестко контролируемой системе. Позже я прочёл несколько книг о писательских судьбах в советское время.¹ После этого я окончательно убедился, что с моей нетерпимостью к навязыванию мне чужого мнения, а также склонностью к оригинальности и парадоксам карьера писателя в тоталитарном государстве мне совершенно не подходила.

И я поступил в университет на исторический факультет. Нельзя сказать, что это был неудачный выбор. Я защитил диссертацию и стал научным сотрудником. Всё шло хорошо, но горечь неосуществлённой мечты ещё долго саднила душу. С годами я понемногу успокоился. Но вот наступает момент, когда ты выходишь на пенсию и после этого можешь делать всё, что хочешь. И я начал писать статьи и короткие рассказы. А теперь вот Лёшка разбередил своим предложением мои давно забытые мечты. Но пусть они так и остаются мечтами. Писать роман я сейчас не потяну. Возраст уже не тот.

– Послушай, Слон! – голос Лёшки вернул меня к реальности из пучины воспоминаний. – Видишь ли, какая вещь получается: «Когда я итожу то, что прожил», – то мне иногда кажется, что «Я много в жизни потерял, всё от того, что ростом мал».

С чего это Лёшка заговорил цитатами, да ещё стихотворными? Видимо, он довольно долго размышлял о своих потерях в жизни, если успел и цитатки подобрать. А насчёт малого роста Лёшка, конечно, шутил или выражался фигурально. Мы с ним были самыми высокими в классе и на уроках физкультуры всегда стояли на правом фланге попеременно, то он первый, то я. Но за какое-то лето я так сильно вытянулся, что Лёшке было меня уже не догнать. Из-за роста меня определили в баскетбольную команду. Помню, я никак не мог освоить финты, и меня легко обводили, так что защитник из меня был никакой. Зато в нападении я играл неплохо. У меня был точный бросок. Мяч летел в сетку без отскока от щита, и даже не касаясь кольца. Тем не менее, хорошего баскетболиста из меня не вышло. Не было у меня так называемой спортивной злости. Иногда я даже забывал следить за счётом, меня увлекал сам процесс игры. Особенно мне нравилось, когда мяч после моего броска, не касаясь кольца, влетал в сетку с характерным звуком «шурх-х», который звучал в моих ушах победной музыкой!

– Дело, конечно, не в росте, – продолжал Лёшка, – но я никак не могу отделаться от мысли, что всё в моей жизни было заранее предопределено. Конечно, я совсем не думаю, что моя судьба была заранее расписана. Но, тем не менее, когда я вспоминаю о тех случаях, когда я стоял перед выбо-

¹ Напр., Б. Сарнов. Сталин и писатели. С. Рассадин. Самоубийцы.

ром чего-либо из двух или нескольких возможных вариантов, то на самом деле выбора-то у меня никакого не было, так как реальным оказывался только один, а остальные были заведомо неприемлемы. Так где же тут, в таком случае, выбор и свобода воли? Видимо, прав был Шопенгауэр, когда утверждал, что всякий считает себя свободным и думает, что может в любой момент начать новый образ жизни. Но это значило бы сделаться другим человеком. И поэтому каждый вынужден всю жизнь разыгрывать принятую на себя роль.

До сих пор я вполуха слушал, мягко говоря, немного заумные Лёшкины рассуждения, но тут я от удивления вытаращил на него глаза. Лёшка и Шопенгауэр?! Такое сочетание как-то плохо укладывалось у меня в голове. Я знал, что Лёшка окончил какое-то морское училище. Но неужели морякам при прокладке курса нужны такие обширные знания по философии, что они добрались аж до «вселенского пессимиста». Впрочем, не мне тогда было судить об этом. На тот момент мои познания в морском деле ограничивались сведениями, почерпнутыми из куплета одной популярной оперетты:¹

Вот что должен знать матрос:
Майна, вира, стоп и SOS...

Это уже потом, в процессе работы над романом, мне пришлось заняться различными исследованиями, в том числе и изучением морского дела. Кстати, я этим так увлёкся, что впоследствии вступил в яхт-клуб.

— Разумеется, я далёк от мысли, что судьба каждого записана где-то на небесных скрижалях, — продолжал Лёшка. — Скорее, она представляет собой ветвящийся алгоритм, на развилках которого путь определяется натурой человека.

— Ну, это не новость. Давно известно, что посеешь характер, пожнёшь судьбу.

— Это пословица, Слон. Схема — и ничего больше. Кстати, на каждую пословицу есть, если можно так выразиться, контрпословица. Например, *с глаз долой — из сердца вон, и разлука любовь бережёт*. И на то, что ты сказал, тоже можно придумать опровержение, если оно уже не существует, например, судьба определяет характер или сформулировать в более привычной для пословиц форме: *какова судьба, таков и характер*.

Я помнил Лёшку как шалопая, выходки которого выводили учителей из себя, но теперь вдруг посмотрел на него по-другому. Передо мной сидел умудрённый жизненным опытом пожилой человек с грустными глазами. Где-то я уже видел такие глаза или очень похожие. Но где? Никак не могу

¹ И. Дунаевский. Вольный ветер.

вспомнить.

— А ты, оказывается, философ!

— Немного. Но дело не в этом. У меня есть интересный материал. На нём можно раскрыть тему, которую я тебе обрисовал. Мне кажется, это очень увлекательное дело! Я хотел сам написать этот роман, даже начал, у меня написано тридцать с лишним страниц, но, когда я их перечитал, то понял, что ничего у меня не получается. Видно, сочинительство это не моё призвание. А ты, я помню, ещё в школе строчил заметки в стенгазету.

Честно говоря, я об этом уже давно совсем забыл. Кстати, тогда учителя хвалили меня за принципиальный подход и логичность в изложении материала.

— Тем не менее, я всё продумал, — продолжал Лёшка.—У меня и синопсис есть.

Бог ты мой! И откуда Лёшка таких терминов поднабрался?! Не иначе, как он серьёзно занимался осуществлением своей идеи.

— Скажи, Лёша, а зачем тебе всё это надо? Ведь у каждого действия должен быть мотив.

— А ты, оказывается, психолог!

— В какой-то степени. Но всё-таки?

— Если я скажу, что хочу поделиться своим жизненным опытом, не имея в виду ничего другого кроме блага человечества, ты мне поверишь?

— Вряд ли.

— Тогда можешь считать, что это моё иррациональное желание. Это тебя устроит?

— За неимением лучшего.

— Ну, теперь, когда есть мотив, который тебе был так нужен, давай поговорим о деле. Так ты берёшь материал?

— Видишь ли, Лёша, у меня ведь и своего жизненного опыта хватает.

— А кто у тебя его отнимает? Я тебе только добавлю. Я слышал, что писатели всегда в поиске новых тем и материалов.

— Я тебе уже говорил, что я журналист, а не писатель.

— Ладно, Слон! Давай сделаем так. Я тебе передаю материал, а ты можешь делать с ним, что захочешь. Если не будешь писать роман, можешь использовать его для своих статей или коротких рассказов. Получишь первый гонорар за свою писанину с использованием моего материала – поставишь бутылку. Выпьем за успех общего дела. Ну что, идёт?

Я задумался. Отказывать Лёшке мне совсем не хотелось. Он с такой надеждой смотрел на меня своими грустными глазами, которые странным образом контрастировали с его бравадой и напористым тоном. И тут я

вдруг вспомнил, где уже видел такие глаза.

Давным-давно, когда я ещё жил в России, то одно время ездил на работу на метро. От своего дома до станции метро и обратно я шёл через парк по тропинке. Однажды, возвращаясь домой, я заметил, что около тропинки лежит собака. Что-то в её позе показалось мне необычным. Я пригляделся. Собака лежала неподвижно, подняв голову и устремив вдаль невидящий взгляд, в котором сквозила такая безысходность, что мне стало не по себе. Наутро я шёл из дому к метро той же дорогой. Собака лежала на прежнем месте. Она была мертва.

Лёшка ждал моего ответа, и в его глазах всё-таки проблескивали искры надежды. Я почувствовал, что у меня не хватает решимости их загасить. Я не стал говорить ему, что материал, конечно, он только добавляет, но не в силах добавить отпущенного мне времени, для того, чтобы им воспользоваться. И если наши дни кем-то или чем-то точно не сочтены, то наверняка у них есть какой-то предел.

Вообще в европейской культуре говорить о смерти считается почему-то дурным тоном или даже табу, и разговоров на эту тему обычно избегают. Никто точно не знает своего часа, и это создает некую иллюзию бессмертия. Был у меня дальний родственник, пожилой человек, который для усиления этой иллюзии придумал такой приём. Каждый раз, когда разговор заходил о темах, так или иначе связанных с продолжительностью жизни, он весьма неприятно заявлял:

— Ну, сколько мне жить осталось? Год, два...

Проходил год, проходило два, а он по-прежнему повторял эту фразу. А о том, что все намеченные им сроки уже давно прошли, он предпочитал не задумываться, постоянно отодвигая час своего перехода в лучший мир вдаль, как линию горизонта.

Где-то я прочёл, что надо научиться говорить «нет», иначе вы можете быть втянуты в самые невероятные истории. После того как я был втянут в несколько историй, не столько невероятных, сколько неприятных, мне пришлось овладеть этим искусством. Я уже несколько раз открывал рот, чтобы произнести это короткое слово, но каждый раз меня что-то останавливало.

Даже не видя Лёшкиной писанины, я прекрасно представлял, что это не что иное, как скучноватое автобиографическое описание различных обстоятельств и ситуаций. Никаких статей из этого сделать будет нельзя, да и для рассказов материал этот малоподходящий, а за роман я братья не буду ни под каким видом.

Лёшка всего этого совершенно не понимал, а у меня не было никакого желания проводить с ним ликбез на эту тему. Ещё Мишель де Монтень говорил что-то вроде того, что просвещать профанов – дело малопривлека-

тельное и неблагодарное.

Ну, допустим, у меня даже хватит терпения и упорства, чтобы написать роман, что само по себе уже довольно сомнительно, а дальше что? Бегать по издательствам и предлагать рукопись к печати? И получать отлуп, так как никто не будет вникать в суть дела. Издательства предпочитают работать с уже известными авторами. В своё время, когда я был моложе, то попытался прозондировать почву о возможности принятия рукописи к печати. В нескольких издательствах я встретил весьма холодный приём, а один издатель, даже не спросив ни содержания, ни названия романа, который я планировал написать, мне прямо сказал: «Вы неизвестный автор. Можем напечатать Вашу книгу за Ваш счёт, а там видно будет».

Д. Казанова в своих мемуарах, рассказывая о встрече с Вольтером, приписывает ему такую фразу: «Берегитесь издателей, это настоящие разбойники...» Если нравы издателей и изменились с тех времён, то только в худшую сторону.

Я уже твёрдо решил сказать Лёшке «нет», как вдруг тут меня осенило: повесть-мозаика! Вот что можно попробовать слепить из Лёшкиного материала! Это уже потом, в процессе работы, жанр был изменён. Впрочем, внимательный читатель может найти в романе следы первоначального замысла.

Мы договорились, что завтра Лёшка придёт ко мне и будет наговаривать свой материал на диктофон.

Назавтра Лёшка пришёл в условленное время, но в каком виде! Лицо серое, помятое, под глазами огромные мешки, в общем, вид у него был весьма непрезентабельный.

– Знаешь, Слон, – сказал он прямо с порога, – давай сегодня не очень долго. Я что-то совсем не в форме.

– Пить меньше надо!

– Да какое там «пить»! Я не спал ночь.

– Что так?

– Сердце пошаливает. У меня мерцательная аритмия.

– А это что?

– Ну, иногда сердце бьётся очень медленно, даже пропускает удары, а потом вдруг начинает бешено колотиться.

– Ты к врачам обращался?

– Конечно. Понавыписывали кучу лекарств, да что толку! Как мёртвому припарки!

– Может, тогда вообще отложим до завтра?

– Нет, Слон, так делать не годится. Говорят, возвращаться – плохая примета, а откладывать – ещё хуже. Делается ведь только то, что не

откладывается. Кто знает, что может случиться завтра!

Лёшка приходил ко мне два раза в неделю и без видимых затруднений выдавал под диктофон свой материал. А вот с его обработкой у меня возникли проблемы. Сначала я попытался писать от третьего лица, но из этого ничего путного не выходило, по крайней мере, мне не нравилось, терялся, так сказать, колорит повествования. Тогда я решил писать от первого лица, но когда я попытался для начала использовать тридцать страниц Лёшкиного текста, то оказалось, что эта корявая писанина редактированию не подлежит. Мне пришлось начинать с чистого листа.

Актёру, для того чтобы войти в образ своего персонажа, надо, по выражению К. С. Станиславского, «... залезть, как в мешок, в шкуру внутренних и внешних у словностей того человека, жизнью которого вам надо прожить какие-то часы...»¹

Перед писателем стоит аналогичная задача. Но если в распоряжении актёра имеется готовый драматургический материал, и ему надо осуществить сценическое *воплощение* образа, то писатель «залезает в шкуру» своих персонажей для *создания* их образов и всего литературного произведения в целом. Когда Гюстава Флобера спросили, кто является прототипом мадам Бовари, он ответил: «Эмма — это я!»

В процессе работы над романом я настолько вжилась в образ моего героя, что мне казалось, будто всё это происходит именно со мной. Так что вслед за Флобером и я могу повторить: «Лёшка — это Я!».

Автор

---

¹ Беседы К. С. Станиславского. Записаны засл. арт. РСФСР К. Е. Антаровой.

Часть первая

МОРЕ ЗОВЁТ

Почему всякий нормальный, здоровый мальчишка, имеющий нормальную, здоровую мальчишечью душу, обязательно начинает рано или поздно бредить морем?
Герман Мелвилл. Моби Дик или Белый Кит.

Глава первая

В МОРЕХОДКЕ

Со временем у одних это увлечение морем постепенно проходит. А как же иначе? Ведь, как пелось в своё время в популярной песне:

Если б в море все ушли,
Что б на суше сделалось?

Но самые стойкие остаются верными своей прекрасной мечте, среди них и те, кто любит море больше жизни. Мне казалось, что я как раз из таких романтиков моря. Поэтому было совершенно естественно, что после окончания школы я подал заявление о поступлении в морское училище.

Трагедия разыгралась на медкомиссии. Острога зрения в правом глазу у меня оказалась на две десятых ниже нормы. Таким образом, судоводительский факультет, куда я мечтал поступить, оказался для меня недоступным. Я был в отчаянии. Мне казалось, что мой мир рушится. Окружающие меня совершенно не понимали. Они не усматривали в создавшейся ситуации ничего особенного. «Для тебя открыты все другие факультеты. Только выбирай!» – говорили они.

И я выбрал электромеханический.

* * *

За пять лет учебы в Ленинградском высшем инженерном морском учи-

лице мне так ни разу не довелось побывать в заграничном рейсе. Некоторые из моих однокурсников уже преуспели в этом во время прохождения обязательной ежегодной плавательской практики. В общем-то, практика обычно организовывалась группами с руководителем, но тем, у кого была открыта виза, не возбранялось искать себе место в штате на судах заграничного плавания.

Визы уже давно были открыты у всех кроме меня. Вопросы, связанные с визами, находились в ведении замдекана. Эту должность на нашем электромеханическом факультете исполнял бывший полковник. Когда я пришел к нему узнать, как у меня обстоят дела с визой, он «с чувством, с толком, с расстановкой» чеканил:

– Вопрос не ко мне. Вашим делом занимаются компетентные органы.

При этом он внимательно смотрел на меня, проверяя, какое впечатление произвели его слова. К его разочарованию, впечатления они на меня не производили никакого. Анкета у меня была чистая, и сам я был «истый – чистый, хоть ставь напоказ». Кроме того, при поступлении в училище всех проверяла мандатная комиссия. Так в чем же дело?

А дело заключалось в том, что бывший полковник просто невзлюбил меня. Остается только гадать, что ему не понравилось: мой нос или вся физиономия в целом, но факт остается фактом – он просто положил мои документы под сукно. Но об этом я узнал позже, уже после окончания училища.

Первый раз он появился в училище в своей полковничьей форме со всеми регалиями. Среди моряков, одетых в черную или темно-синюю форму, он выглядел белой, а точнее «серой» вороной. Потом он перешел на штатский костюм, но при этом потерял всю свою представительность.

Полный желаний навести армейскую дисциплину, он начал с того, что громовым голосом вещал курсантам:

– Ваша дисциплина мало чем отличается от солдатской!

Однако, к его удивлению, все его усилия пошли прахом. В этом он был не одинок. Офицеры, проходившие службу в училище, не сразу могли сориентироваться в царящей там обстановке. С одной стороны, курсанты, одетые в морскую форму, разделенные на роты; командиры рот – кадровые офицеры; развод в 17 часов 15 минут и заступление в наряд на сутки; строевые занятия на площади перед ДК им. Кирова, где начальник строевого отдела зычным голосом подавал команды:

– Батальо-о-о-н...!

С другой стороны, вряд ли можно было сказать, что в училище была военная дисциплина. Офицеры время от времени пытались изменить положение вещей, однако, без заметного результата. Так, например, вечерние

поверки вводились, потом отменялись, снова вводились и снова отменялись. В конце концов, всё возвращалось на круги своя. Курсанты, в свою очередь, не могли понять, почему к ним пытаются предъявлять такие же требования как к военнослужащим. Ведь здесь все-таки не армия! Взаимное непонимание приводило иногда к весьма серьезным последствиям.

Училище было расположено в двух зданиях. В одном из них находился учебный корпус, а в другом – экипаж¹. Они находились друг от друга на расстоянии трех трамвайных остановок. Особенно возмущало офицеров то, что курсанты обычно ходят между экипажем и учебным корпусом не строем, а, так сказать, индивидуально.

Однажды погожим сентябрьским днем один из курсантов, некто Геша Красницкий, направлялся после занятий из учебного корпуса в экипаж. Навстречу ему попался майор, появившийся в училище в начале учебного года и еще не адаптировавшийся к местным условиям. Увидев Гешу, майор подошел к нему и вежливо осведомился:

– Товарищ курсант! Почему Вы идете не строем?

Геша попытался сострить:

– Не могу же я один идти строем!

Майор юмора не оценил.

– Вернитесь обратно и пойдете строем!

Геша устался на майора, удивленный нелепостью услышанного.

Майор, видя, что его приказание выполнять не торопятся, стал терять терпение и довольно решительно подтолкнул Гешу в том направлении, в котором по его, майора, мнению Геше надлежало проследовать. У Геши взграло ретивое, он развернулся и нанес майору прямой удар правой в нижнюю челюсть.

Скандал был большой, но дело замяли. А чтобы мы не вздумали, что отныне можно безнаказанно лупить офицеров по мордám, нам прочли приказ (разумеется, перед строем), в котором говорилось о том, что поступок Красницкого совершенно вопиющий и заслуживает того, чтобы отдать Красницкого под суд, но, учитывая его искреннее раскаяние, из гуманных соображений и нежелания портить жизнь молодому человеку решено ограничиться дисциплинарным взысканием.

Через некоторое время их обоих тихо убрали из училища. Гешу отчислили за неуспеваемость, – он действительно учился неважно, а майора уволили за служебное несоответствие.

На почве взаимного непонимания со мной тоже произошел похожий инцидент. Как-то я прочел у К. Паустовского, что он был равнодушен к любой форме кроме морской. Совершенно то же самое можно было ска-

¹ здесь: береговая флотская часть

зять обо мне. Но зато к своей морской форме я относился так ревностно, что иногда хватал через край. Мои клеши были шириной сорок три сантиметра. Почему именно сорок три? Да только потому, что портниха отказалась делать шире. А то тогда я непременно заказал бы их шириной в пятьдесят сантиметров, так как буквально воспринимал слова известной песни:

... И клеши новые полуметровые полощет бриз...

Так вот, спустя примерно месяц после моего поступления в училище некто Абдурахман предложил мне поменяться бескозырками. Бескозырка у него была почти неношенная, но без пружины и поэтому мягая как берет, но я не придавал этому значения. В этом обмене меня прельстила другая деталь. Дело в том, что в 1954 году, когда я поступил в училище, его объединили с Арктическим училищем и переименовали. До этого оно называлось Ленинградское высшее мореходное училище, что и было написано на ленточках. После переименования надпись на ленточках изменили на ЛВИМУ им. адм. Макарова, причем «им. адм.» красовалось на самом лбу, что мне несколько не нравилось. Абдурахман поступил в училище на год раньше, и у него на бескозырке была ленточка еще с прежней надписью, которая импонировала мне гораздо больше.

С этой бескозыркой я нарвался на неприятность в первый же вечер, когда выходил из учебного корпуса и попался на глаза дежурному офицеру. Он был так возмущен грубым нарушением формы одежды – неположенной надписью на ленточке и мягкой бескозыркой, – что подскочил ко мне со словами: «Надо же до чего обнаглели!», – и сдернул мой головной убор. Я сделал произвольное движение, чтобы выхватить бескозырку у него из рук, но он хитро извернулся и спрятал ее за спину.

У меня, разумеется, и в мыслях не было заняться рукоприкладством, но несколько слов, которые вряд ли можно было отнести к цензурным, я ему всё-таки сказал. После этого дежурный офицер счел, что просто-напросто произошел нормальный обмен мнениями, и бескозырку мне отдал. Тем не менее, он написал на меня рапорт.

Мы совершенно не поняли друг друга. Он был возмущен тем, как можно так беспардонно нарушать форму одежды, а я, в свою очередь, искренне недоумевал, с чего это он так раскипятился. Уже позже командир роты объяснил мне, в чем тут дело. С Абдурахманом пришлось произвести обратный обмен.

Абдурахман был личностью весьма колоритной. Держался он солидно, уверенно и на первый взгляд производил неплохое впечатление, которое, однако, потом рассеивалось. При каждом подходящем и не вполне подхо-

дящем случае он упоминал, что на учебу его направил ЦК Комсомола Азербайджана. Первый курс вместе со всеми за один год он осилить не смог, но так как он был прислан на учебу по официальным каналам, ему дали возможность пройти курс повторно. Учился он далеко не блестяще. Создавалось впечатление, что техника его не интересует, и было совершенно непонятно, зачем он пошел в морское училище на электромеханический факультет.

Однажды при выполнении курсового проекта по электрическим машинам Абдурахман не стал утруждать себя приведением в соответствие между собой довольно значительного количества различных параметров, а просто подставил нужные цифры в надежде, что преподаватель ничего не заметит. Однако преподаватель оказался дотошным мужиком, он скрупулезно все проверил и вернул Абдурахману его «творчество», сказав при всех:

— Я думал, что Абдурахманов серьезный курсант, а тут такая галиматъя написана!

На скулах Абдурахмана сквозь смуглую кожу стал пробиваться румянец, то ли от стыда, то ли от досады, что его афера не прошла. Его подозревали в том, что он не только аферист, но еще и «крепко на руку не чист».

В 1957 году зимой у нас была практика на Черном море на пассажирском теплоходе «Грузия». Теплоход совершал рейсы Одесса – Батуми – Одесса с заходом в Ялту и другие порты Черноморского побережья. В день окончания практики обнаружилось, что украдены деньги у тех, кто хранил их в чемоданах. Причем взяли не все деньги, а только половину. Сомнений быть не могло: сработал кто-то свой. Подозрение пало на Абдурахмана, но прямых улик не было. Пропажу обнаружили вечером, а утром следующего дня мы должны были сойти с теплохода, так как он отправлялся в очередной рейс.

У меня деньги не пропали, так как я всегда носил их при себе, даже когда работал в машинном отделении, так мне было спокойнее. Однако мои друзья Юрий и Руслан остались с половинной суммой, и им денег на билет до Ленинграда не хватало. Разумеется, я не мог их бросить.

Они были совершенно разными, и я дружил с ними, если можно так выразиться, с каждым по отдельности.

Юра был высокий блондин астенического телосложения. На лице у него была удивительно белая кожа безо всякого намека на румянец или смуглость. Он был, что называется, романтиком моря. Юра хотел поступить на судоводительский факультет, но его, как и меня, подвело зрение, пришлось ему довольствоваться электромеханическим. Мы с ним много говорили о море, кораблях и произведениях писателей-маринистов, кото-

рых прочли в довольно большом количестве, и почти всегда понимали друг друга с полуслова.

Руслан был совершенно другим. Среднего роста, коренастый, темноволосяй. Мы оба увлекались борьбой, это было одной из основных тем наших разговоров. Он плохо знал знаменитых борцов прошлого, так как почти ничего о них не читал, но о современных борцах был наслышан довольно много. Мы с увлечением говорили о чемпионах в разных весовых категориях, их манере ведения борьбы, излюбленных приемах. О море мы с ним не говорили почти никогда, для этого он был слишком «приземленным». Будучи на несколько лет старше нас с Юрой, он до поступления в училище уже успел поработать матросом и мотористом. Свою будущую профессию Руслан выбрал совсем из других соображений, чем Юра; мне казалось, что его больше всего интересовал меркантильный аспект.

Я встретил его через несколько лет после окончания училища. Он посещал, что много времени приходится проводить в море:

- Молодость ведь свою так продаешь!
- Тогда зачем же ты плаваешь?
- Пока не вижу другого выхода.

Наряду со своей практичностью Руслан любил поговорить о *возвышенном*. Для этого он обратился к поэзии, а в ней выбрал себе двух кумиров: Ахматову и Есенина. Ахматовой он даже собирался нанести визит в качестве поклонника ее творчества. Действительно ли таково было его намерение, или он говорил это для красного словца, чтобы выглядеть *значительным*, судить не берусь, но поскольку визит так и не состоялся, то, вероятнее всего, последнее.

Стихи своих кумиров он переписывал в тетрадку и обожал их зачитывать, а я принужден был слушать эту декламацию в его исполнении, чтобы, не дай Бог, его не обидеть. Его наивные рассуждения о поэзии иногда смешили меня, но чаще вызывали скуку и раздражение, так как были уж очень занудными. Мне приходилось это скрывать и, по возможности, изображать хоть какую-то заинтересованность. Я бы охотно ограничился в разговорах с ним только борцовской тематикой, но не мог же я выковыривать изюм из ситничка!

Руслан попытался взять такой же тон и с Юрой. Как-то он спросил его:

- Юра, тебе нравятся стихи Есенина?

Однако Юра, в отличие от меня, не стал с ним церемониться. Его романтичность странным образом прекрасно сочеталась в нем с изрядной долей цинизма.

- Конечно, я их обожаю!

В его тоне можно было бы различить скрытую издевку, однако Руслан

в предвкушении *душевного* разговора, в котором он, разумеется, отвел себе роль мэтра, уже вошел в раж и ничего не заметил.

— А за что ты больше всего любишь Есенина?

— А, в основном, за то, что его стихи в школе зубрить не заставляли!

Руслан был оскорблен в своих лучших чувствах и с Юрой о поэзии никогда больше не заговаривал. С тех пор он недолго любил Юру и пренебрежительно о нем отзывался:

— Только совершенно духовно неразвитый тип может так относиться к поэзии Есенина! — возмущался он.

Кроме того, Руслан считал Юру слабаком. Для этого у него были некоторые основания. Юра совершенно не интересовался спортом. Один раз на занятиях по физподготовке он не смог подтянуться на перекладине больше двух раз. Физрук тогда ехидно спросил его:

— Фокин, что с Вами? Вы что — женились?

Разумеется, вопрос был риторическим. В то время, на втором курсе, большинству из нас было не больше двадцати лет. Однако один из нас, высокий статный красавец Виталий, женился как раз тогда. Мне было интересно, на ком он женился, а также и другие подробности; я выбрал подходящий момент и подошел к нему.

— Виталя, а кто твоя жена?

Он не отвечал, молчал, насупившись, с мрачным видом. Пауза затягивалась. Я почувствовал неловкость и решил вопрос уточнить:

— Ну, какая у нее профессия?

Я ожидал чего угодно, но только не такого ответа:

— Она — дама лёгкого поведения. Вот это и есть её основная профессия!

Я был ужасно шокирован и тотчас же отошел от него.

Немного позже я спросил у его приятеля:

— Чего это Виталя так отзывается о своей жене?

— А хрен его знает! Раньше приходил от нее, собирал толпу, рассказывал, как он ее трахал, в каких позах; а потом вдруг — на тебе — женился! Может, его зацепили на чем-нибудь. Во всяком случае, Виталя завел себе шикарную постельную принадлежность!

Вскоре женился и Руслан, чем несколько всех удивил. У него не было постоянной девушки, и он имел репутацию бабника, так как любил прихвастнуть своими успехами у женщин. По его словам, он был нарасхват, и ему все время приходилось решать проблему выбора. Положение у него было сложнее, чем у Буриданова осла. Тому, по крайней мере, приходилось выбирать одну из двух возможностей, а у Руслана иногда возникали альтернативы с большим количеством вариантов, однако он ухитрялся как-

то выкручиваться.

Юра и Руслан взаимно очень низко оценивали друг друга. Как-то раз Юра спросил у меня:

– Чего это бабы к нему так липнут?

Я промолчал и только пожал плечами. Тогда Юра сам себе безапелляционно ответил:

– Тупой спортсмен! Самец!

Сам Юра был совершенно неискрушен в отношениях с женщинами. При общении с прекрасным полом он проявлял слишком много застенчивости. И куда девался при этом весь его цинизм!

Однажды, когда мы сидели на лекции по физике, в аудиторию вошла лаборантка, молодая женщина лет двадцати пяти. Уж не знаю, какие мысли у Юры вызвало ее появление, но покраснел он необычайно, просто залился до корней волос малиновой краской, которая ярко просвечивала сквозь его тонкую белую кожу. Это было замечено, начались смешки. Особенно усердствовал Абдурахман. Он даже вскочил со своего места, рот у него был растянут до ушей, и он пальцем вытянутой руки тыкал в сторону Юры. От всего этого Юра заливался краской еще больше, хотя казалось, что больше уже некуда. Лектору пришлось прервать занятия, пока развеселившаяся аудитория не успокоится. После этого случая Юра получил кличку Сердцеед.

Руслан и Юра были как будто специально подобраны по принципу контраста. Совершенно естественно, что я просто не мог общаться с ними иначе как в разных ипостасях. Поэтому мы практически никогда не проводили время втроем.

Однако на этот раз обстоятельства нас объединили. Мы сложили все деньги вместе и пошли брать билеты на поезд. Денег не хватало. Практичный Руслан предложил что-нибудь продать. Продавать было нечего кроме ботинок. А нам пришлось бы переобуться в рабочую обувь. На моих друзьях ботинки были не то, чтобы слишком изношенные, но такие, за которые никто не дал бы и трех копеек. Я всегда тщательно следил за своей морской формой, и ботинки на мне были почти что новые, во всяком случае, они «имели вид»; так что переобуваться пришлось мне.

К моему большому удивлению мы продали ботинки в течение нескольких минут, не отходя от кассы (железнодорожной). Однако денег на проезд до Ленинграда все равно не хватало. С нашими деньгами мы могли купить билеты разве что только до Москвы. И тут выяснилось, что в Москве у каждого из нас есть либо родственники, либо хорошие знакомые, у которых можно раздобыть денег на дальнейшую дорогу. Альтернативы не было. Обстоятельства сделали выбор за нас. Итак, «в Москву, в Москву!»

После покупки билетов у нас осталось чуть больше тридцатки. Этого нам хватило на бутылку «Московской», копченую селедку и буханку хлеба. С этим запасом напитков и провизии мы и отбыли из Одессы в Москву.

Руслан и я были ленинградцами. Руслан стал таковым после женитьбы, получив, таким образом, постоянную прописку, что было, как мне казалось, одним из существенных мотивов его вступления в брак.

Родители Юры жили в Астрахани. Это обстоятельство послужило поводом для недоумения одного из наших попутчиков, с которыми мы разговаривали в дороге. Он долго порывался что-то спросить у Юры, но все не решался. Наконец, он не выдержал:

— Слушай, а как же это у тебя получается: живешь в Астрахани, учишься в Ленинграде, а едешь из Одессы в Москву?

В Москве мы расстались. Теперь у каждого была своя дорога. Я пошел на Каланчёвскую улицу, что недалеко от Комсомольской площади, к своему дядюшке доктору экономических наук, профессору Московского института цветных металлов. О своем приезде я не сообщил и свалился как снег на голову. Дядя куда-то уехал по своим научным делам, а тетя как раз была дома. Я ее недолюбливал за ее высокомерие и снисходительное отношение. Она платила мне взаимностью и за глаза называла меня не иначе как балбесом.

Итак, застав тетю дома, я вежливо ее приветствовал:

— Привет, тетя! Я из Одессы проездом. Вот заехал вас проведать.

— Ну, и надолго ты к нам?

— Видите ли, в дороге я малость поиздержался. В принципе могу уехать сразу же, как только вы дадите мне займы на билет.

Два дня я погулял по Москве в рабочих ботинках. Таким образом, благодаря Абдурахману, я навестил своих московских родственников.

В конце концов, Абдурахман плохо кончил в полном соответствии с половицей о кувшине, который повадился по воду ходить. Однажды он возвращался в училище из отпуска и познакомился в поезде с одним из попутчиков; тот предложил Абдурахману выпить. После обильных возлияний попутчик задремал, а проснувшись, не обнаружил ни Абдурахмана, ни своих вещичек.

Тут Абдурахман дал маху, не просчитал ситуацию даже на один шаг вперед. Кроме того, что у него характерная внешность «лица кавказской национальности», было известно, куда он ехал, и что на нем форма курсанта морского училища. Этих фактов оказалось вполне достаточно, чтобы его легко вычислили.

Командир роты порекомендовал нам провести комсомольское собрание. Абдурахман каялся, говорил, что все произошедшее только слу-

чайность, что «изнутри у него вдруг поднялось что-то нехорошее», и выдавал тому подобные перлы. Однако «чистосердечное» раскаяние ему не помогло. Возмущению курсантов не было предела. Масла в огонь подливало то обстоятельство, что он обокрал человека, который его поил. Абдурахмана исключили из комсомола и отчислили из училища.

Много лет спустя, на очередном вечере встречи выпускников нашего факультета, было объявлено, что в адрес оргкомитета прислана визитная карточка с надписью «Поздравляю!» На другой стороне было напечатано:

Абдурахман Абдурахманов
кандидат технических наук

То ли он действительно пролез в кандидаты, то ли просто заказал себе такие визитки, чтобы пускать пыль в глаза – всякое могло стать!

Изгнание Абдурахмана Юра прокомментировал в весьма резких выражениях, из коих следовало, что у него было весьма определенное мнение о «лицах кавказской национальности», составленное в результате общения с людьми, которые сталкивались с этими самыми лицами на рынках.

Вообще, почти все высказывания Юры отличались категоричностью. Он жил в мире ясных и четких, как навигационные знаки, представлений, не допускающих двоякого толкования.

Как-то раз Юра сдавал «тысячи» по английскому языку. Он переводил статью из журнала «Electronics». Речь шла об электронной и дырочной проводимостях. Англичанка некоторое время рассеянно слушала перевод, а затем перебила его:

– Скажите, Фокин, а вы действительно понимаете, что здесь написано?

Тот, кто выбрал этот текст для перевода, вероятно, не стал тратить на это много времени. Просматривая статью и наткнувшись на *ключевое* сочетание слов «an electric current»¹, он решил, что этот материал вполне подходит для электромеханического факультета. На самом деле статья была посвящена описанию явлений, на которых основана работа полупроводниковых приборов, то есть из области достаточно далекой от электротехники; поэтому Юра понимал, что там написано, вряд ли намного больше, чем англичанка. Однако положение обязывало, и он с апломбом ответил:

– Да, конечно! – и, ничтоже сумняшеся, добавил: – Но только это западное учение, а наша наука считает, что тут все происходит иначе ...

– Идите, Фокин, – вздохнула англичанка. – Я вам это зачту.

Когда я объяснил Юре, что представления о явлениях, происходящих в

¹ электрический ток (англ.).

электронно-дырочном переходе, в нашей науке и западной ничем не отличаются, он был несказанно удивлен. Юра черпал информацию, в основном, из официальных источников. Он считал истиной в последней инстанции все, что появлялось в эфире или в печати. Газеты того времени, в том числе и молодежные, пестрели заголовками, такими как, например, «Кибернетика – наука мракобесов» и тому подобными, так что Юра был совершенно уверен, что воззрения нашей науки и западной всегда и во всем полностью совпадают с точностью до наоборот.

Подобного рода казусы время от времени происходили, но, тем не менее, училище давало довольно высокую профессиональную подготовку. Уже много лет спустя, когда Советский Союз покинуло значительное количество эмигрантов, мне рассказывали, что на Западе диплом нашего училища котируется довольно высоко. Это всегда был первоклассный вуз, а с 1991 года он получил статус Государственной морской академии. Конкурс в училище всегда был достаточным для того, чтобы было из кого выбирать. Преподаватели, в основном, имели высокую квалификацию, тем не менее, и здесь не обходилось без исключений, как говорится, в семье не без урода.

Один из них за излишнюю придирчивость получил кличку Вася-зверь. Неизвестно, каким образом он появился в училище, не исключено, что по чьей-то протекции, так как по своему уровню он сильно отличался от других преподавателей. Читать лекции ему не давали. Он был на подхвате, проверял практические задания. Курсанты быстро раскусили, что в сути дела он разбирался слабо, зато слишком придирился к несущественным мелочам, заставлял переделывать представляемые ему работы, пытаясь скрыть свою некомпетентность за излишней требовательностью. Это вызывало раздражение. Васе-зверю стали спихивать халтуру, причем все мелочи, на которые он обращал внимание, тщательно отработывались в соответствии с его требованиями. Втереть ему очки стало считаться престижным. Нередко можно было услышать такой диалог:

- Ну что, объегорил Васю-зверя?
- Запросто! А ты?
- Святое дело!

Однажды Васю-зверя назначили руководителем плавательской практики на дизель-электроходе «Иртышгэс». Тогда была такая серия судов на электродвижении: «Днепрогэс», «Волховгэс» и так далее. В чью-то руководящую голову пришла гениальная мысль, что поскольку на этих судах гребной винт приводится в движение электродвигателем, то наличие в наименовании судна окончания « - гэс», которое тоже имеет некоторое отношение к электричеству, будет способствовать повышению трудового энту-

зиязма экипажа.

Все шло гладко, пока не произошел один инцидент. Был у нас один курсант, некто Ванюша Уваров, неплохой парень, только уж очень тихий. Один раз после работы в машинном отделении он пришел в каюту и завалился отдыхать, в чем был прямо на простыни. Впоследствии он объяснял нам, что просто решил пошутить. В этот день предстояла смена постельного белья, и Ванюша ну, никак не мог отказать себе в таком удовольствии как поваляться в грязной робе и рабочих ботинках на белых простынях.

Все бы прошло незамеченным, если бы не роковая случайность. Как раз в это время старпом, который имел прозвище Чистота Иванович, ходил по каютам на предмет проверки, содержатся ли они в надлежащем порядке. В эту каюту он зашел в аккурат в самый разгар Ванюшиного кайфа. Открывшаяся перед ним картина повергла его в шоковое состояние. Такое зрелище не могло бы привидеться ему даже в страшном сне.

Разумеется, разразился грандиозный скандал. У Васи-зверя не хватило соображения спустить все на тормозах, что попытался бы сделать любой нормальный руководитель практики. Вместо этого он возмущался больше всех:

— Да-да, какое безобразие! Надо примерно наказать, чтоб другим неповадно было!

В результате в парходство ушла соответствующая бумага. Дело дошло до министерства, и начальник училища получил замечание «за слабую воспитательную работу». Он был взбешён и решил немедленно выгнать Васю-зверя «к чертовой матери по собственному желанию». Вася-зверь рыдал у него в кабинете и падал перед ним на колени. В конце концов, его простили, но я его больше не видел. Васю-зверя убрали куда подальше от учебно-воспитательного процесса.

После истории с майором и Гешей Красницким бывший полковник разительно переменялся. Он уже больше не упоминал «о дисциплине, мало чем отличающейся от солдатской», влез ко всем в кореша и стал вести приватные разговоры, чего раньше и представить себе никто не мог. Он обожал рассказывать о себе. Обычно он ораторствовал перед группой курсантов, иногда среди них оказывался и я. Тем у него было, в основном, две: как его несправедливо уволили из армии и о своих семейных делах.

По его словам, из армии его уволили только потому, что какому-то генеральскому родственнику захотелось занять его должность. Он очень подробно описывал, кто кому подчинялся, называл фамилии, звания и должности. Я мало вслушивался в его рассказы. У меня были большие сомнения в правдивости его историй. Если уж какому-то генеральскому родственнику действительно позарез понадобилась его должность, то заслуженному полковнику могли бы подыскать что-нибудь адекватное. Ско-

рее всего, его уволили за служебное несоответствие или еще за что-нибудь в этом роде.

Другая тема была о его семейных неурядицах. В свое время он женился на женщине с ребенком и теперь в своих рассказах представлял свою супругу и пасынка в негативном свете. Рассказы о скандалах со своей половиной он обычно заканчивал фразой:

– Ну, тут я ей сказал прямо по-солдатски: «Пошла ты ... Стерва паршивая!».

Однако по отношению ко мне он проявлял редкое постоянство и по-прежнему ссылался на «компетентные органы».

Таким образом, после окончания училища в сентябре 1959 года, я оказался в Архангельске, куда меня направили по распределению, без визы.

(Продолжение следует)

Алексей Шкваров

Родился в 1960 году в Ленинграде. С 2008 года живёт в Финляндии. Член Союза писателей РФ, Союза журналистов Спб, кандидат исторических наук. Автор ряда исторических романов, опубликованных на русском и финском языках, повестей, рассказов, десятков статей в научных и популярных изданиях. В настоящее время работает над историческим романом "Проклятие рода", посвящённым событиям, происходившим в XVI веке в России и в Швеции. Глава из этого романа предлагается вниманию читателей.

Предложение от Мартина Лютера.

Немецкое богословие еще было едино. Над всеми гремел непрекращаемым авторитетом громкий голос доктора Лютера, не стеснявшегося даже во время проповедей самых крепких словечек и выражений:

— Я хотел и не мог понять Апостола Павла в его послании к Римлянам. И мешали мне в этом не босые, грязные и холодные ноги в монашеских сандалиях, а лишь одна единственная фраза: «В нем открывается правда Божья...»¹. Я возненавидел эти слова – «правда Божья». – Вцепившись своими мужицкими крепкими руками в кафедру, словно намереваясь оторвать ее вместе с собой от стены, Лютер останавливался и обводил яростным взглядом аудиторию, притихшую от таких неожиданных и резких речей. – Я был приучен понимать их, как правду, согласно которой Бог праведен и карает неправедных. Хоть я и жил невинной жизнью монаха, я чувствовал себя грешником с совестью, нечистой перед Богом. Я был далек от любви к этому праведному Богу, на самом деле, я ненавидел Его! – Доктор сделал еще одну паузу. Тишина стояла такая, что казалось, его слова продолжают звенеть в ушах. – Денно и ночью рассуждая над этой фразой, я стал понимать, что «правда Божья» есть дар Божий – вера, по которой Он оправдывает нас, как сказано «праведной верой жив будешь». И предо мной открылись врата рая, я родился заново, я стал видеть все Писание по-иному. Ненавидимые мною слова «правда Божья» звучали теперь сладчайшей из фраз! Причина, по которой люди не понимают, почему их

¹ Рим 1:17

оправдывает одна вера, заключается в том, что они не знают, что такое сама вера! Все вы слабы и эгоистичны, поражены неизлечимой проказой и несмываемой скверной, и будете пребывать в этом дерьме до тех пор, пока не осознаете, что только верой, только Милостью, только через Писание, вы почувствуете Христа и поверите в Слово Бога!

Кто мог устоять перед таким натиском? Перед молниями, что извергал Лютер? Кто мог не осознать собственной ничтожности и остаться пребывать в том состоянии, которое так недвусмысленно обрисовал доктор? Таких - не было! Семена очищения веры падали на благодатную почву.

Спокойнее проходили лекции доктора Меланхтона. Его больше интересовала этика как концепция духовной и светской справедливости, выступающая отражением убеждения человека в повиновении Богу и соблюдении Заповедей. Но Иоганну было гораздо интереснее проводить время в тишине библиотеки, самостоятельно постигая мудрость древнейших мыслителей и богословов. Когда завершались лекции сюда же устремлялись и студияузы, невольно принося с собой шум аудиторий, пыл лекторов или собственную взбудораженность от услышанного. Нет, никто не позволил бы нарушать тишину храма книги, но она все равно наполнялась звуками шагов, дыхания, шелеста страниц. Но гораздо громче бились сердца, стремившиеся найти в книгах подтверждение того, что только что было произнесено с кафедр. Уединение Веттермана было нарушено, и он покидал библиотеку.

Иоганн почти не видел сына. Юноша растворился в лекциях – по церковной истории и практической теологии, бесконечной латыни, греческому и еврейскому языкам, математике и космографии, а по субботам диспуты, куда приходил иногда и сам Лютер, подбадривая и раззадоривая оппонентов своими репликами.

О восхищении учебной работой отец узнавал лишь в те непродолжительные минуты, когда юный вечно голодный студент залетал к ним с матерью, и давая пищу, что-то успевал рассказать. Но судя по тому, как он выразительно переглядывался при этом с Гертрудой, у Андерса хватало времени не только на лекции и диспуты.

Это не могло не укрыться от пронизательного женского взгляда Агнес.

– Иоганн, ты не хочешь поговорить со служанкой? – Спросила его жена, когда сын исчез также молниеносно, как и появился, а Гертруда, прихватив со стола, удалилась к себе на кухню.

– О чем, милая? – Но взгляд жены был так красноречив, что Веттерман оставил попытки изобразить непонимание. – А может надо с Андерсом поговорить? Только о чем? - Тут пастор допустил оплошность. - Все мы были молодыми когда-то...

– Так, так, так... - Жена притворно нахмурилась. – Вот чем ты в юности занимался в Виттенберге. Ну-ка признавайся, и сколько у тебя было таких Гертруд?

– Агнес... - Он потянулся к ней.

– Не смей ко мне прикасаться! – Она отодвинулась в сторону, загадочно улыбаясь. Но он уже предвкушал ее упругое сопротивление и намеревался его преодолеть.

– Подожди, Иоганн. – Вдруг неожиданно ласково остановила она его. – Мне надо тебе кое-что сказать. У нас будет ребенок.

Иоганн медленно поднялся и застыл, как вкопанный. Он вдруг ощутил, как какое-то неведомое сладостное чувство стало подниматься и расти внутри него, наполнять душу, подступать к горлу, сжимая его в кольцо спазмов и, наконец, ударило в голову хмельной радостью обретения нового смысла жизни, который тут же появился на свет от одной единственной фразы, произнесенной любимой женщиной, без оглядки на те сроки, что определены природой и Создателем для рождения ребенка.

– Агнес... - Только и смог выговорить Иоганн, размахнув руки, и нежно обнимая впорхнувшую в объятия жену. – Агнес... любимая...

Наступил промозглый декабрь. Выпал снег и тут же растаял, превратившись в черную слякоть из воды и полусгнивших листьев, пропитав улицы устойчивым острым запахом плесени. Иоганн просил Агнес без надобности не выходить из дома. Поскользнуться на прелых листьях, разбиться о булыжную мостовую было пара пустяков.

– Подожди немного, - останавливал он жену, порывавшуюся отправиться с Гертрудой по съестным лавкам, - пусть выпадет снег и станет безопасно.

– Иоганн, эта девчонка только бестолково тратит деньги! – Сопротивлялась Агнес. – Я буду держаться за нее и не упаду.

– Нет! – Веттерман категорически возражал. – А если она растянется? Не вынуждай меня запирать тебя дома.

– Ладно, дорогой. – Жена уступала ему. – Обещаю.

– Вот так-то лучше. Будь хорошей девочкой и не заставляй меня переживать. – Он целовал ее на прощанье, отправляясь в университет, правда долго там не задерживался, ему хотелось поскорее вернуться к Агнес, и просто провести время вместе с ней, разговаривая или молча, усевшись у камина, взяв ее руки в свои, наслаждаться ощущением того, что рядом медленно, но верно растет новая человеческие душа и плоть, имеющие самое непосредственное отношение к нему. Он словно ощущал уже биение сердца младенца теплом прикасающегося к нему женского бедра, потрескиванием дров, игрой языков пламени, шепотом Агнес:

– Ты такой хороший, Иоганн. Я так тебя люблю!

– И я тебя очень люблю. А сейчас люблю втрое сильнее – за тебя, за Андерса и за того ребенка, что дарует нам Господь. Он нас вознаграждает. – Шептал он в ответ, обняв жену за плечи и целуя узел волос, склонившийся ему на грудь.

– Это он тебя вознаграждает. Ты отправился, рискуя жизнью... - Агнес замаялась, -... ради моей глупой, женской прихоти.

– Нет, Агнес! Может вначале и я так думал, но увидев в Регенсбурге этих детей, убедившись в том, что они в безопасности, в том, что они счастливы, я понял – Господь испытал нас еще раз и щедро вознаградил.

– Да, дорогой.

Но по ночам, когда Агнес сладко засыпала на его груди, к радости вдруг постепенно стало примешиваться чувство тревоги, ощущения неизвестности их дальнейшей судьбы. Иоганн размышлял, загибая пальцы:

– Ноябрь, декабрь, январь, февраль, пусть еще март... В феврале Агрикола и Тейтт станут магистрами. Выходит, в марте нужно будет отправляться в Швецию. Останется... - он загнул еще четыре пальца, недостающих до цифры девять. До июля. – И где мы будем? В Швеции? Если нас опять отправят в Новгород? Это два морских перехода. Выдержит ли Агнес и наш ребенок? Не говоря вовсе об опасности морских путешествий! – Он осторожно косил глаза на жену. Агнес уже сползла с его груди, свернувшись калачиком, пристроилась мужу под бочок и мирно посапывала. Он вдруг вспомнил судебного фогта из Штральзунда. Нет, Иоганн имел в виду не слова Шнайдера о том, что она что-то скрывает от мужа, совсем другое – как исключить вероятность повторной встречи Агнес с ее прошлым? Остаться в Швеции? А куда их пошлют? А если в Кальмар или хуже того в Мору? Господь не допустит этого! Но ведь человек, распоряжающийся судьбами других людей, может и не догадываться о причинах, по которым не следует так поступать? Господь не вмешивается в установленный Им порядок светской жизни, оставляя одним право повелевать, другим подчиняться. И право найти место службы Веттерману будет исходить от светской власти – от магистра Олафа Петри. При этом советник короля будет поступать в полном соответствии с тем, как учит доктор Лютер: назначение священника это дело светское, а его проповеди и все остальные повседневные духовные обязанности – дело церковное. Попросить магистра Петри отправить их в Финляндию, откуда родом его нынешние подопечные? Еще один морской переход! Какая жалость, что беременность Агнес пришлась на это время! – Промелькнула мысль, и Иоганн тут же устыдился ее. – Что я несу? Позволил себе хулу на Господа! Какой позор! Надеюсь, Он меня не услышал. – Мысли не давали покоя, от этого не

спалось. Стараясь не разбудить жену, Иоганн осторожно поднялся, подошел к столу, налил себе вина и сделал пару глотков. Потом прижался горячим лбом к холодному стеклу, ощущая кожей барабанные удары дождевых капель, швыряемых ему в лицо свирепым ветром. Он отстранился. От окна чуть поддувало, и огонек свечи метался из стороны в сторону, повторяя свою пляску отражением в черном от уличного мрака стекле. Иоганн вдруг вспомнил, что так же металось пламя факелов в Кальмарском замке, когда он – юный настоятель церкви стоял перед начальником стражи по делу о хищении серебра. «Надо найти ее и допросить!» - эти слова старого солдата прозвучали сейчас вновь. – Господи, я даже не представляю, как нетороплива повозка правосудия! Ее колеса вязнут во времени, но крутятся, движение не на миг не останавливается. А если ее до сих пор ищут, несмотря на все войны, восстания, датчан, смену королей, веры? Надо успокоиться! – Сказал Иоганн сам себе. – Все равно сейчас я ничего не смогу придумать, а тем более решить. Положусь на Провидение и веру в то, что Он нас не оставит, даст знак, покажет выход.

Но выхода пока не предвиделось. Напротив, обстоятельства складывались, по мнению Иоганна не самым лучшим для них образом. Зима вступила, наконец, в свои права, укрыв землю пушистым белым покрывалом, Веттерманы спокойно и тихо, по-семейному отпраздновали Рождество Христово, наступил новый 1539 год. Неминуемо приближалось время защиты ученых степеней Агриколой и Тейттом, а, значит, и время отъезда в Швецию.

Да и Агнес не горела желанием возвращаться на родину. Она однажды так и сказала Иоганну, когда они прогуливались вдвоем по улице. Пастор ничего не ответил жене, лишь покрепче сжал ее локоток и кивнул головой.

Уже в середине января, выходя из библиотеки университета, Иоганн столкнулся с Нильсом Магнуссоном.

– Должен с вами поделиться, господин пастор. – Посланник отвел его в сторону. – Не очень хорошие вести из Стокгольма.

– Какие? – Насторожился Веттерман.

– Арестован магистр Петри и ему предъявлено обвинение.

– Боже! Но в чем?

– Скорее всего, в измене, коль ему грозит смертная казнь.

– Но он же был ближайшим советником короля Густава?

– Возможно, они отошли с королем в разные стороны от Нагорной проповеди. – Посланник выразительно поднял брови, напомнив их разговор на пути в Регенсбург.

– Что может означать арест господина Петри? Какие перемены?

– Не знаю! – Магнуссон отвел взгляд в сторону и прищурился. – Я не

получал пока никаких официальных известий из Стокгольма.

– Но вы же узнали о...

– С оказией! – Посланник мельком взглянул на пастора и опять уставился на стену. Взгляд его был жестким. – О некоторых событиях нужно узнавать очень быстро и, главное, вовремя. Не дожидаясь почты. Вы ведь сюда направлены Олафом Петри и его братом архиепископом Упсальским Лаврентиусом?

– Да! А что вы думаете, опала коснулась и архиепископа? – Пастор был поражен известием.

– Я ничего пока не думаю, дорогой Веттерман, а лишь пытаюсь рассуждать и делюсь своими мыслями с вами.

– Я очень признателен вам за доверие, господин Магнуссон. – Иоганн приложил правую руку к сердцу и искренне склонил голову.

– Полноте. Не стоит. Как я понял, доктор Нортона, с которым вы имели честь познакомиться, довольно близок сейчас к королю Густаву, и полагаю, нас всех он характеризовал положительно. Хотя... чужие мысли и поступки нам неведомы. Каждый тянет одеяло на себя, стараясь прикрыть собственную замерзающую задницу... - Задумчиво произнес Магнуссон.

– Судя по всему, - подумал Иоганн, - посланник тоже весьма озабочен изменениями в Стокгольме.

– Да, кстати, - Магнуссон хлопнул себя по лбу, - совсем забыл. Вчера я разговаривал с доктором Лютером. Он напомнил о своем традиционном обеде, куда приглашены будущие магистры и наиболее уважаемые люди университета. Ваши с женой имена в списке приглашенных, но Лютер просил меня помимо этого передать вам еще и личное устное приглашение к нему. Он хочет с вами побеседовать. Обед состоится через две недели, в пятницу. – Прокричал посланник, как всегда, уже на ходу, покидая Веттермана.

– Час от часу не легче. – Известие об отстранении Петри потрясло Иоганна. Он понимал, что никаким особым расположением бывшего советника короля он не пользовался, но все же... магистр ему никогда ни в чем не отказывал и в глубине души Веттерман, чего греха таить, рассчитывал на него. Дома он постарался вести себя так, чтобы своим видом не дать Агнес повод к расстройству. Это удалось ему легко. Приглашение на обед к самому Мартину Лютеру захватило ее полностью:

– Как, Иоганн, я увижу доктора Лютера? – Ее глаза округлились от восторга.

– Если он приглашает, то обязательно. – усмехнулся пастор.

– Но в чем я пойду? – Понятно, что может еще взволновать женщину, как ни ее внешний вид, наряды и прочая, по мнению мужчины, ерунда. –

Все мои платья устарели.

– Дорогая, у нас есть еще две недели. Если хочешь, мы немедленно отправимся в лавку, к портному, куда скажешь, и потребуем, чтоб нам сшили самое красивое платье на свете!

– Да! – Она стремглав поцеловала мужа и, не мешкая, стала одеваться.

– И хотя Веттерман с улыбкой наблюдал за женой, как она неторопливо расхаживала по мастерской, сопровождаемая сыпавшим комплиментами хозяином, но мысли его были далеко отсюда. Галантерейщик, он же и портной, открывал сундуки, заполонившие это полуподвальное помещение со сводчатыми потолками и низкими зарешеченными окнами, доставал из них один за одним разноцветные рулоны ткани, набрасывал конец материи на плечо жены, так что рулон разматывался и укрывал ее от шеи до пят. Агнес поворачивалась, смотрела сначала на себя – сверху вниз, затем на свое отражение в потускневшем зеркале на стене, и потом уже вопросительно на Иоганна. Пастор улыбался и пожимал плечами, Агнес хмурилась, снова бросала взгляд в зеркало и качала головой, морщила носик. Хозяин, быстро смотав ткань обратно в рулон, извлекал следующий образец материи. И так до бесконечности. Наконец, выбор Агнес остановился на ткани, напоминающей поток разлившегося искристого темно-красного вина. Она десять раз посмотрела в зеркало, столько же раз на Иоганна, который одобрительно кивал – ткань действительно была хороша и изумительно подходила жене, и тогда Агнес, казалось, с огорчением, глубоко вздохнув, утвердительно качнула головкой. Итак, десять локтей брабантской ткани, столько же ситца. Конечно, это было еще не все. Предстояло перебрать массу коробочек с разнообразными по цвету и размеру костяными пуговицами, пряжками, бисером, латунными крючками, цепочками и бесконечным множеством других удивительных предметов, назначение которых было Иоганну непонятно. Потом они еще что-то очень долго обсуждали с мастером, пока не пробил долгожданный час, когда измученная и счастливая Агнес, обратилась к мужу:

– Дорогой, кажется, я все выбрала. Ты одобряешь?

– Конечно! – Быстро откликнулся Иоганн, соскочив с сундука, который он использовал в качестве места ожидания.

Теперь на весь ближайший вечер, впрочем, и последующие тоже, ему пришлось стать благодарным слушателем радостного щебетанья жены по поводу ее будущего наряда. Еще в первый визит к галантерейщику, он заметил, как Агнес взяла в руки прекрасное жемчужное ожерелье, одела на себя, покрасовалась перед зеркалом, бросила осторожный взгляд на мужа, но Иоганн успел отвести глаза в сторону, притворившись, что он ничего не

видел. Но от него не укрылось то, с каким сожалением она сняла жемчуга и положила обратно в коробочку. На следующий же день, по пути в университет, он завернул в лавку и потребовал у хозяина показать ему именно эту вещь. Жемчуга были действительно хороши. Пастор тут же их купил.

И вот настал долгожданный день. Агнес сидит перед небольшим покрытым множеством черных точек зеркалом, на ней красуется то самое великолепное платье, сейчас она завершает укладывать волосы. Ее оживленное, с полуоткрытым ртом, лицо чуть нахмурено. Иоганн подходит к ней, наклоняется и нежно целует в шею, чуть ниже мочки левого уха. Она изгибается и мурлычет, как кошка, и в этот момент пастор набрасывает ей на шею жемчужное ожерелье – ему удается на удивление легко его застегнуть, быстро целует снова в шею, только уже с правой стороны и отступает на один шаг назад. В зеркале он видит, как округляются ее глаза, как тонкие пальцы медленно поднимаются и прижимают перламутровые шарики к коже. Она поворачивается к Иоганну и смотрит с каким-то детским испугом.

– Мне показалось, что эта вещь тебе к лицу. – Стараясь казаться невозмутимым, произносит Иоганн. Агнес поднимается с табурета и бросается в его объятия.

– Ты волшебник! – Шепчет она ему сквозь поцелуи.

– Ну, ну, если б я был волшебником, меня стоило бы отправить на костер. – Шепчет он, усмехаясь, в ответ.

– Никогда! Я никому тебя не отдам! – Лицо Иоганна уже все мокрое от бесчисленных поцелуев.

Доктор Лютер жил в большом двухэтажном доме, пристроенном к августинскому монастырю, который ему подарил в знак глубочайшего уважения и признания заслуг магистрат Виттенберга. Почти весь первый этаж занимал огромный зал, где происходили эти ставшие уже традиционными обеды для будущих магистров, докторов и профессоров университета. Длинный стол, стоящий посередине зала, заставлен блюдами. Чего тут только не было – лосиное и свиное мясо, птица, разнообразная рыба, капуста, яблоки, сваренные в меду, кувшины с вином и пивом. Гости разместились вдоль стола на длинных скамьях без спинок. В самом конце в кресле сидит хозяин дома. Слева от него его добродетельная супруга, справа ближайший помощник и соратник доктор Меланхтон.

Общий гул перекрывает могучий бас Лютера:

– Попросим доктора Меланхтона прочесть нам застольную молитву и приступим, друзья, к угощению.

Общество смолкает, поднимается Меланхтон и читает слова молитвы.

Услышав заключительное «Аминь», все повторяют его вслед за деканом и принимаются за еду. Пьет каждый по собственному усмотрению. Нет ни хвалебных тостов в честь хозяина дома, ни попыток блеснуть своим eloquentia¹, хотя умельцев за столом было хоть отбавляй – в этом Веттерман не сомневался. Нет, все было настолько обыденно просто, будто собрались не столпы богословской науки, не учителя со своими беспокойными, но внимательно внимающими воспитанниками, а равные с равными. За столом сидела одна большая университетская семья. Единственное различие было в том, что более почетные и заслуженные гости, в том числе Магнуссон с Веттерманами, сидели ближе к доктору Лютеру. Иоганн оглядывается по сторонам. Видит знакомые лица профессоров, замечает Агриколу с Тейттом на другом конце стола, улыбается сверкающим глазам и раздумавшемуся счастливому лицу Агнес. Она ловит его взгляд, наполняет две кружки вином – Иоганну и себе – и, поднимая свою, шепчет:

– За тебя, мой дорогой!

Он выпивает вино, ставит кружку на стол, находит теплую ладонь жены и мягко сжимает в своей. Краем глаза пастор замечает, как доктор Лютер поднялся из-за стола и направился... неужели в их сторону? И правда, мощная фигура вождя, самую малость по-стариковски сгорбленная, вырастает за спиной Иоганна и он слышит:

– Es college Wettermanus, nonne?²

– Да, достопочтенный доктор Лютер! – Отвечает Иоганн. Он уже успел повернуться, подхватить под руку Агнес, они поднимаются вместе и почтительно кланяются доктору.

– Conventi sumus, nonne?³

– Да, я был вашим студентом двадцать лет назад.

– О-о-о... - покачал медвежьей головой Лютер, - двадцать лет назад... и я бывал в Аркадии...⁴ Это твоя жена? Красавица! – Начав разговор с латыни, позволяющей сразу обращаться на «ты», доктор не меняет этого обращения и в немецкой речи.

Иоганн представляет жену Лютеру, и Агнес вся - от корней волос до прикрытой корсажем груди, - заливается краской смущения, склоняет вновь голову, шепчет еле слышно:

– Мы вам так признательны за приглашение.

– Хочу побеседовать с твоим мужем наедине. Надеюсь, ты не будешь возражать, моя девочка? – Она молча кивает головой, не в силах вымол-

¹ Красноречие (лат.)

² Коллега Веттерман, не так ли? (лат.)

³ Мы ведь встречались, не так ли? (лат.)

⁴ Римская поговорка, означающая, что были счастливые времена.

вить хоть слово.

Уже уходя вслед за Лютером, Иоганн оборачивается и замечает, как смотрит на него Агнес. Таких потемневших, горящих от восхищения глаз жены он еще не видел, ну если только ночью после бурных ласк и любовной истомы. Он весело ей подмигивает.

– Давай пройдем в мой кабинет. Не возражаешь? – Зовет его Лютер.

– Почту за честь, доктор!

– Тогда вперед. - Лютер махнул рукой, чтобы Иоганн следовал за ним, и стал тяжело подниматься по довольно узкой и крутой ясеновой лестнице. – Высоковато стало для меня. Старею. – Бормотал про себя великий реформатор, останавливаясь через три-четыре ступеньки перевести дыхание.

Обстановка кабинета была скромная – одинокий пульт, пара потемневших от времени лавок вдоль стен, шкафы с книгами.

– Присядем. – Указал Лютер на скамьи. Сел сам, откинулся к стене, стараясь унять сердцебиение. Веттерман опустился рядом. Наконец доктор отдышался:

– Так ты служил в Московии, Иоганн?

– Да, господин доктор.

– Как кратко мог бы ты поведать о ней? С чем сравнить? Нам нужны союзники в борьбе с папизмом. Разногласий в лиге северогерманских городов все больше и больше. А Рим своих позиций терять не намерен. Папа подстрекает Карла V усмирить нас, вернуть те города, что имели статус имперских, а ныне объявили себя вольными, и тогда сюда хлынут испанцы и весь прочий сброд со всей Европы, которым все равно кто ты: христианин, иудей или язычник. Они верят в одного бога – добычу, наживу, смерть. Им все равно кого убивать – мужчин, женщин, стариков или детей, лишь бы за это платили. И это время придет. Так что скажешь, Иоганн?

– В библиотеке я наткнулся на «Хроники» Святого Иеронима¹, где он опирается на труды отца церковной истории Евсевия Кесарийского². Речь

¹ Евсе́вий Софрóний Иерoнíм (342—419 или 420) — церковный писатель, [аскет](#), создатель [канонического латинского текста Библии](#). Почитается как в [православной](#), так и в [католической](#) традиции как святой и один из [учителей Церкви](#). Главные работы Иеронима — латинский перевод [Ветхого завета](#) с древнееврейского языка, кроме книг, изначально написанных на арамейском и греческом, и редакция латинской версии [Нового завета](#) ([лат.](#) Itala или [лат.](#) Vetus Latina), получившие впоследствии название [Вульгата](#) ([лат.](#) Vulgata), а также исторический труд «О знаменитых мужах» ([лат.](#) De viris illustribus). Сохранилось другое его историческое произведение — «Хроника», в которой он излагает события всемирной истории начиная с «сотворения мира», основываясь на [«Хронике»](#) Евсевия Кесарийского с дополнениями.

² Евсевий Кесарийский (ок. 263—340 гг.) — отец церковной истории. [«Церковная](#)

идет об «Истории от сотворения мира до двадцатого года царствования императора Константина». Император – язычник, ставший христианином перед самой смертью, но прославленный церковью.

– Да, но с Константина наша церковь стала невидимой и существовала все это время как невидимое сообщество людей, хранивших в душах праведников евангелическую веру, о которой мы нашли смелость сегодня открыто заявить, сделать ее обозримой для всех, тем самым бросив вызов тому, кто присвоил себе престол Святого Петра и безбожно прикрывается Именем Творца в своей корысти, а не вере. Именем Константина папы пытались фальсифицировать и узурпировать не только духовную, но и светскую власть¹.

– Ложь все равно, рано или поздно открывается.

– Сколько веков на это ушло... Так что в «Хронике» Святого Иеронима напомнило тебе Московию?

– Императоры-язычники, предшественники Константина, кощунствуя против Творца, пытались себя уподобить богам-идолам. Из pontifex maximus² они объявляли себя живыми богами. Заслуга Константина в том, что он запретил гонения на нашу истинную евангельскую веру, решал церковные проблемы, как светский правитель вплоть до догматических

история», повествующая о событиях от начала христианства до 324 года. При написании её Евсевий пользовался не только всеми главными церковными библиотеками того времени, но и государственными архивами. По оценкам ученых, Евсевий в этом сочинении для христианской церковной истории является тем же, чем был Геродот для истории всеобщей. Автор «Хроник» (История от сотворения мира до 20-го года царствования римского императора Константина), которые долго были известна лишь в переводе части их монахом Иеронимом на латинский язык.

¹ Donatio Constantini (лат.) Константинов дар — подложный дарственный акт (лат. *Constitutum Constantini*) Константина Великого римскому папе Сильвестру. С половины XI века служил одним из главных оснований для папских притязаний на верховную власть как в Церкви, так и на высший сюзеренитет в средневековой Европе. Факт подлога доказал итальянский гуманист Лоренцо делла Валла в сочинении «О даре Константина» (1440 г.), опубликованном в 1517 Ульрихом фон Гуттенем. В нём значится, будто бы Константин Великий, при крещении его папою Сильвестром и вместе с тем при исцелении от слепоты, которою он был поражён перед этим, подарил папе знаки императорского достоинства: Латеранский дворец, город Рим, Италию и все западные страны, свою же резиденцию перенёс в восточные страны на том основании, что главе империи не подобает жить восточными странами, где пребывает глава религии; наконец, римскому папе предоставил главенство как над четырьмя кафедрами — александрийской, антиохийской, иерусалимской и константинопольской, — так и над всеми христианскими церквами во всей вселенной. Когда подложность эта уже не могла быть опровергаема, католические авторы, следуя примеру кардинала Барония, ещё в XVIII столетии стремились по возможности спасти содержание акта. Лишь в XIX столетии в Риме совершенно отказались от него.

² Pontifex maximus (лат.) – верховный жрец.

споров, выступив против арианской ереси¹. Но отнести императора к святым, своей жизнью, страданиями и смертью подтвердившим свою святость, не представлялось, - к апостолам, проповедовавшим учение Христа, - тем более. Но некая, хоть и отдаленная параллель в них и открывшим всей империи свет христианства Константином прослеживалась. И тогда рождается идея строительства храма Апостолов, который был задуман как совмещение церкви и христианского мавзолея. Воздвигнув двенадцать гробниц, словно священные памятники в честь апостольского лика, средним он поставил свой саркофаг. Евсевий, используя многозначность греческого генетива², и как *genetivus obiectivus*, и как *genetivus subjectivus*, то есть логическое подлежащее при существительном и одновременно логическое дополнение, пишет так, что каждую его фразу можно понять по-разному – «заботясь о том, чтобы его собственное тело после смерти стало сопричастно почитанию апостолов», или тело стало почитаться вместе с апостолами, «дабы и после кончины удостоился он тех молитв, которые будут совершаться здесь в честь апостолов» - будет ли он причастен к молитвам, или все будут молиться ему и апостолам? Совершаемая молитва об упокоении его души поминала императора сразу после апостолов, которые идут первыми из святых, народ молился и за его душу, и он постоянно соединялся с народом Божьим. И до сих пор в любой поминальной молитве евхаристии перечисляется по порядку весь видимый и невидимый мир: от святых до простых христиан. И еще одно. Константин принял евангельскую веру за три дня до смерти, его душа могла считаться безгрешной, достойной быть вместе с апостолами.

– Базилика Сан Назаро Маджоре в Милане построена Святым Амвросием в честь Святых Апостолов и вероятно является копией Апостолейона Константина. – Вставил, внимательно слушавший Иоганна, Лютер. – Но продолжай!

– Не довелось видеть. – Покачал головой Веттерман. – Однако, в результате неких событий, о сути которых мнения расходятся, гробница императора была перемещена ко входу, что по моему разумению, было проявлением Воли Того, «Чьи служители», как сказал Иоанн Хризостом³ в толковании на второе послание к Коринфянам, «и скончавшись стоят

¹ Арианство — теологическое учение в [христианстве](#) в [IV—VI веках](#). Возникло в Поздней Римской империи, получило название по имени его зачинателя — [александрийского священника Ария](#) (ум. в [336](#)). Ариане не принимали основной [догмат](#) официальной [христианской церкви](#), согласно которому [Бог Сын](#) предвечен как и [Бог Отец](#). Император Константин санкционировал Никейский Собор, принявший Символ Веры и осудивший ариан.

² Генетив – родительный падеж.

³ Ioannes Chrysostomus (лат.) - Иоанн Богослов.

выше царей вселенной... И что привратники у царей во дворце то же, что в гробнице цари у рыбаков».

— Все христиане имеют равный священнический статус, но это не означает, что мы все можем проповедовать, учить и использовать власть. Духовная власть Бога осуществляется посредством Слова Божьего и водительством Святого Духа. Мирская власть Бога осуществляется через королей, князей и магистраты. Когда мирские князья и правители своевольно пытаются изменить Слово Божье и стать его хозяевами, что им запрещено, как и последнему нищему, - они стремятся стать богами. А они лишь привратники, как и подтверждает Хризостом. Так же и Константин, попытавшийся причислить себя к Святым Апостолам. Три порядка существует – семья, где глава отец; государство, мирская жизнь, где правит князь; и духовная жизнь, где правит духовенство. Все они основаны на Слове Божьем и отражают Божественную волю. Духовная власть – суть убеждение, касающееся человеческой души, а не его тела или имущества, мирская власть – суть принуждение, не касающееся души. Власть и церковь различны и не должны смешиваться. Бог правит церковью через Евангелие, но вынужден править грешным миром посредством закона, мудрости правителей и принуждения. Бог ставит правителя для достижения тех целей, которые церковь достичь не может.

— Из моей беседы с архиепископом Новгорода Макарием я вынес одно: они пойдут путем Константина, если не приравняв своего великого князя к апостолам, как это пытался сделать император, хотя бы после своей смерти поместив гробницу между ними, то поставив его сразу за ними, придав особый Божественный смысл его правлению. И как Константин принял Святое Крещение перед смертью, так и русские хотят осуществить повторное Крещение на княжение – повторное помазание. Они - русская церковь, хотят в лице своего великого князя соединить Бога и народ в живом человеке.

— Как анабаптисты... Но духовную власть сохраняют за собой? – Спросил задумчиво Лютер.

— Мне представляется, что разделение мирской и духовной власти будет размыто. Обожевив при жизни великого князя, причислив к лику святых равноапостольских царей, они придут к этому неизбежно. Дух и меч станет одним целым и будет управлять и добром и злом. И тогда мирской правитель получит право от церкви трактовать слово Божье.

— Во всем, посредством всего и над всем, в том числе и над князьями, осуществляется Его власть и более не действует ничего. Его власть не есть сила, какой обладают князья, она действующая постоянно, встречающая нас непрерывно и повсеместно. Перекладывая эту власть на себя, князь

превращается в тирана, забывающего о Том, кто выше и сильнее. Но не подобает Люциферу сидеть вместе с Господом. Некоторые из наших князей и правителей берут на себя роль Судей, презирая Слово Божье, вызывая бунты и насилие, что также является обратным злом, ибо велют они верить иначе, чем верим мы, повелевают там, где нет у них ни права, ни власти.

– Возможно, – грустно согласился пастор. Оба замолчали. Первым заговорил Лютер:

– Ты с женой возвращаешься в Швецию, как только твои подопечные станут магистрами?

– Так предписано королем Густавом.

– А после? Снова в Новгород?

– Не уверен.

– А что если я предложу тебе другое место?

– Каким образом, доктор?

– Я думаю, что ваш король Густав уважит мою просьбу. Что ты скажешь по поводу Дерпта? Кафедра Церкви Св. Иоанна? Дерптский епископ Иоганн Бей давно просит меня прислать ему хорошего проповедника и настоятеля.

– Скажу, что предложение неожиданное. – Веттерман действительно растерялся. Это было то, о чем он думал непрерывно. Неужели...?

– Я не тороплю тебя. Подумай, Иоганн. Ты останешься, ну если не на немецкой, то хотя бы на ливонской земле. Но Московия совсем рядом. Окрестности Дерпта не раз становились полем боя между рыцарями Ливонского ордена, который сейчас находится в полном расстройстве, и войсками московских князей. Что нас ждет в будущем, неизвестно. А ты, как человек твердо стоящий на позициях евангелистской веры и имеющий большой опыт общения с москвитями, придешься, как нельзя кстати. Кто знает, может епископство со временем станет твоим? Ваш сын остается учиться в нашем университете, и возможность провести его из Дерпта, нежели из Швеции и тем более Новгорода, намного ближе. Подумай. Поговори с женой. Я не тороплю. Но сразу поставь меня в известность, чтобы у меня было время написать Иоганну Бейю.

– Благодарю вас, доктор! – Пастор встал и благодарно поклонился Лютеру.

– Не стоит! – Махнул рукой доктор и тоже приподнялся. – Пора вернуться и к нашим гостям.

– Господи, Иоганн, ты так долго беседовал с самим Лютером! – Встретила его горячим шепотом жена, ей не терпелось узнать о чем был разговор, но сидевший за ней Магнуссон тот же вопрос повторил уже

вслух:

– Не поделитесь, дорогой мой Веттерман, что интересного сообщил вам доктор?

Иоганн показал ему знаком, чтобы он отклонился чуть назад, они сблизились за спиной Агнес, которая тут же пододвинулась вперед, чтоб им было удобнее, и пастор сказал достаточно тихо, но так чтобы и жена могла это слышать:

– Доктор предложил мне поехать настоятелем в Дерпт.

Посланник весело улыбнулся:

– Поздравляю! Кажется это тот вариант, который бы вас весьма устроил? Не так ли? Не это ли мы с вами подразумевали, рассуждая о событиях в Стокгольме? Вы дали согласие?

– Мне надо еще поговорить с женой, – неопределенно ответил Иоганн.

Магнуссон посмотрел на напряженно выпрямленную шею Агнес и усмехнулся:

– Кажется, она уже обо всем догадывается! – И повернулся к столу, дав понять, что разговор окончен.

– Иоганн, это правда? – Снова горячее дыхание Агнес обожгло ухо.

– Да, дорогая.

– Дерпт – это где? – Все слышала, усмехнулся про себя Иоганн.

– В Ливонии.

– Далеко отсюда?

Пастор ненадолго задумался и пояснил:

– Путь туда лежит через Курляндию и далее на восток. Это земли Ливонского ордена, сейчас дружественного доктору Лютеру.

– То есть, это немецкие земли?

– Можно сказать и так. – Согласился пастор.

Она придвинулась как можно ближе к нему, не стесняясь никого, обняла за шею, поцеловала и сказала:

– Милый, ты - особенный человек...

Чего было больше в ее словах любви или восхищения, или одно растворилось в другом, Иоганн сказать не мог. Единственное, на что сейчас он был способен, это ответить ей:

– Просто я очень люблю тебя и наших детей!

Полина Копылова

*Virago*¹

Главы из романа «ТОРНАДО»

Луна, как паломница, бьется в экстазе.
Мы падаем, штурман. Тяжелой уздой
Нас тянет под воду без видимой связи
С попыткой полета над этой водой.

А помните, штурман, как мы обнимались,
Над дельтой стремясь вопреки маякам,
Мы падаем в воду и самую малость
Жалеем, что вряд ли увидимся там.

Опомнитесь, штурман, я знаю, я вижу,
Мы с вами счастливей не будем нигде,
И падая в воду, становимся ближе,
Нежнее и ближе в глубокой воде.

Евгения Голосова. Летучий корабль

День первый

В который по крайней мере два
соотечественника моны Алессандрины
невзначай отмечают для себя двойственность
ее природы.

— Вот вам и Кастилия, мона Алессандрина, — сказал капитан. Поименованная мной Алессандриной подтянула к горлу меховые края очень широкого, очень теплого плаща, и скривила самый уголок рта. По этой ухмылке нельзя было понять, как показалась ей Кастилия, но капитану не это было важно. Важно ему было хоть что-то сказать молодой и знатной даме, вышедшей поутру на палубу его галеры — иначе он уронил бы себя

---

¹ Решительная особа (англ.)

в собственных глазах.

Шел первый рассветный час. По зимнему времени вокруг было серо и сыро. Туман сползал по низким берегам к воде. Беленые известью ограды несчастных подворий тонули в дыму, и воздух изрядно горчил.

— К полудню прибудем, — сказал капитан, полагая, что исчерпал себя, как собеседника, полностью.

Мона Алессандрина на продолжении беседы как будто и не настаивала. Она даже отступила на полшага от капитана, давая тому понять, что он волен хоть вовсе уйти.

Капитан не уходил. В его командах сейчас не было никакой нужды, с рулем справлялся помощник. Поэтому он остался возле моны Алессандрины и уставился на серую струистую гладь, казавшуюся наклоненной в сторону уже далекого моря, так что чернобокая галера словно бы взбиралась по реке, ровно выгребая рядами весел — по два с каждого борта. В промежутках меж всплесками слышно было, как над туго свернутым парусом и «вороньим гнездом» лениво хлопает отсыревший флаг со львами св. Марка.

Комкая рукой в узкой перчатке край капюшона, мона Алессандрина размышляла, и чем далее, тем более удручалась беспорядком в своих мыслях, коих было слишком много, и все о разном, ибо впереди ждали и мессер Федерико, посол венецианский при кастильском дворе, и сам двор кастильский, с королем, королевой и грандами, и дела при этом дворе. А дел этих окаянных не сделаешь, не разузнав до тонкостей того, о чем принято не говорить, но догадываться. Мысли всю ночь не давали ей покоя, и на палубу она поднялась ни свет, ни заря, чтобы подышать свежим ветром и посмотреть на бегущую воду. Но вода, шелковисто-серая в отдалении, скользила под борта, становясь, как темное с прозеленью масло, под веслами плескалась приглушенно, словно боясь разбудить спящую сушу, а вместо ветра был горький на вкус туман.

— Знаете, мона, отчего здесь такой горький воздух? — неожиданно для себя нарушил молчание капитан, — это, говорят, оттого, что по всей Кастилии жгут на кострах еретиков.

— Паленое пахнет иначе, мессер капитан, — серьезно отозвалась мона Алессандрина, — если бы пахло паленым так сильно, как пахнет сейчас дымом, нам пришлось бы завязать лица мокрым полотном.

— Мона Алессандрина, вам доводилось видеть подобную казнь?

— Почти что. В моем имении сгорел свинарник.

Капитан поперхнулся и заслонил смеющийся рот кулаком.

— Говорят, здесь любят смотреть, как жгут, и лица себе не завязывают.

— Говорят, москвиты любят всем на потеху бороться с медведем. У

каждого свой вкус к зрелищу.

Капитан хотел было сказать на это, что прилюдное сожжение - не зрелище, но богоугодное и благочестивое деяние веры, так и называемое по-кастильски — *auto de fe*, однако предпочел промолчать, поскольку полагал, что моне Алессандрине это превосходно известно.

Галера все так же ровными толчками продвигалась вверх по словно бы чуть покатоной водной глади. Берега мало помалу яснили, влажно темнела на них зимняя зелень, краснели черепичные кровли подворий. К дымной горечи примешался было густой запах хлеба и тут же истаял. В туманной еще дали зазвякал колокол, и капитан с моной Алессандриной перекрестились.

На левом берегу в межхолмьи забелело стенами большое село, а у самой воды рядом расселись на коряжках рыбаки с длинными удами. Один встрепенулся и выдернул рыбку.

— Вы, мессер капитан, как полагаете — можно ли доплыть до Индий через море Мрака?

— Мона Алессандрина, мне не доводилось плавать далее Тенерифа, — капитан похоронил в кулаке не самую добрую свою улыбку: он не любил, когда женщины спрашивали о море. Сейчас начнется — про сирен да про морского черта.

— Я просто думаю, мессер капитан, что по здравому рассуждению там никак не может быть Индий.

— И что же там может быть по здравому рассуждению?

— По здравому рассуждению там должна лежать суша, такая же большая, как здесь, но никак не Индии, потому что иначе в мире не будет равновесия. И что это за мир: переплыл море, да сразу Индии.

— Ваше здравое рассуждение весьма любопытно, мона Алессандрина, — снизошел до одобрения капитан, — вы, верно, не чужды космографии.

— По правде сказать, я рассматриваю карту более, как картину, и сужу о ней, как судят о картине. Старые полотна, как известно, полны несоразмерностей, ибо живописцы не были еще столь искусны в изображении жизни и вещей. Возможно предположить, что наши космографы еще пока несведущи и неискусны, потому и карты несоразмерны, и Индии по их воле помещаются в двух неделях пути на Запад.

— Лик земной начертан Богом, что может быть соразмернее? А мы знаем лишь малую часть этого лика. Много ли муравей знает о роще, в которой у него муравейник?

Туман совсем исчез, и до самого окоема разостлалась зеленая, словно бы отдыхающая от людских страд и сует земля.

Капитан искоса присматривался к моне Алессандрине.

Мона была при гербе и свите, не дурна собой, белоручка, и, стало быть, дворянка, да не из бедных. Но по речам судя — кортезана или дочь кортезаны — дворянки впросто говорят редко, и еще реже снисходят до бесед с капитанами галер. В сомнение вводило ее родство с сиятельным послом мессером Федерико Мочениго, но мало ли «племянниц» делят с «дядюшками» кров и ложе? Как бы там ни было, но капитану, человеку учтивому, кой-что на своем веку читавшему и даже весьма прилично знавшему латынь, лицо и разговор ее пришлись весьма по нраву. Он подосадовал, что почти весь долгий путь до Кастилии мона Алессандрина из-за непогоды провела в каюте.

В облаках проступили голубые промоины. Села с колокольнями стали попадаться чаще, а по отлогим берегам зазмеились тропки и стежки.

Капитан рассказывал моне Алессандрине моряцкие побасенки, в меру сил стараясь придать им вид книжных фацетий. Мона смеялась.

В числе прочего капитан рассказал ей о торнадо, исполинском столпе из ветра, земли и воды: ему случилось однажды видеть, как такой вихрь разметал флотилию алжирских пиратов. Неспешно шествуя по линии окоема от одного корабля к другому, окутанный водяной пылью торнадо подхватывал их сужающимся охвостом, чтобы через миг рассыпать вокруг себя веером черных обломков и раскоряченных тел.

Историй хватило до городских предместий.

Дома обступили реку стадом сбившихся на водопой краснопанцирных черепах. Изо всех выходящих к воде улиц несся гомон, то и дело прорезаемый истошным лаем или ослиным криком; на мутной береговой волне терлись бортами связанные лодки; вереницы ослов, чуть видимых под вьюками, понуро шагали за людьми вдоль пятнистых от сырости стен; босые дети вопили, скача по лодкам и замахиваясь друг на друга палками и клепками от бочек.

— Вот вам и город, как обещано, к полудню.

Тут с носа закричал лоцман, и капитану пришлось, поспешно извинившись, приняться за свои обязанности.

На галере стало адски шумно: звенели невпопад два гонга, орали капитанские помощники, хлопали плетки надсмотрщиков, бранились и громыхали цепями гребцы, истошно вопил лоцман, предостерегая от одному ему известных отмелей, глухо шипела вспененная веслами вода.

Вокруг сразу оказалось множество судов. Большие лодки, парусные и весельные, с надстройками и навесами, шли по течению и против, сновали наискось, переправляя с берега на берег всяческий люд и скарб. Только в воздухе не хватало каких-нибудь рукотворных летающих штукovin — подумалось моне Алессандрине, но не было рядом капитана, чтобы поделиться с ним этой занятной на ее вкус мыслью. Безмятежное облачное

небо над кипящим красно-белым городом вовсе не придавало равновесия картине мира, и редкие вороны не могли исправить положения.

Внезапно заблаговестили во всех церквах. И все еще не было рядом капитана, чтобы пошутить: вот, мол, честь какова чернобокой нашей венецианской галере с меченосными львами на флагах и парусах. Впрочем, паруса свернуты, а флаг повис — ветра как не было, так и нет.

От скуки мона Алессандрина залюбовалась едущим вдоль по берегу всадником. Всадник, несомненно, был гранд. Черные перья на его шляпе колыхались в лад легкому шагу его белогривой арабской лошадки, на длинных пополах которой красовался герб — алый, но — ах! вот беда! — не разглядеть, то ли птица, то ли зверь. За грандом рысила свита — пятеро отроков в одинаковых черных одеждах, и на одномастных изящных коньках. Народ перед грандом расступался, кланялся и сдергивал шапки, на ком были, а потом, разогнувшись, что-то кричал ему вслед, только не разобрать было из-за шума, что, тем паче ей, владевшей кастильским наречием лишь в той мере, какой достаточно для неторопливых светских бесед.

Гранд пришпорил лошадку, обогнал медлительную галеру, даже не глянув на нее, и свернул в устье широкой улицы, сплошь застроенной лавками. Моне Алессандрине отчего-то сделалось обидно за себя и за важную мадонну SERENISSIMA VENEZIA LA BELLA, пославшую сюда этот корабль, не удостоенный даже взглядом надменного гранда. Мона Алессандрина невольно оглянулась на уплывавшее за излучину устье улицы, куда он скрылся, и подосадовала, что не разглядела герба. Тут галера, уже давно исподволь замедлявшая ход, толкнулась форштевнем в мол. Палуба под ногами подпрыгнула, чуть не скинув мона Алессандрину в щель между бортом и молотом, где крутилась и кипела пестрая от сора вода — мона едва за перильца успела схватиться обеими руками, и судно, поджав с одной стороны весла, точно остистый плавник, стало разворачиваться к причалу бортом.

Мона Алессандрина, самый ценный груз и красный товар, сошла на берег первая, опершись на капитанский локоть. За ней был прислан портшез, узкий, черный, глухой, точно стоймя стоящий гроб. Возле ждали носильщики посольские, в опрятном гербовом платье, поодаль переминались носильщики наемные, босоногие и загорелые дочерна, переступал копытами мул, взятый для камеристок, ибо прислуге знатной дамы не подобает бегать за ней вприпрыжку по уличной грязи. Мона Алессандрина забралась в портшез (ну точно, гроб, да дорогуший — весь шелком изнутри обит!), раздвинула самую малость занавески. Где-то сбоку покряхтывали носильщики, примеряясь к сундукам. Хихикали, елозя в седле, камеристки — двойняшки пятнадцати лет. Тронулись, наконец.

Рослый, бритый, рыжеватый, по виду и стати более римлянин, чем венецианец, мессер Федерико, сиятельный посол, сухо поцеловал ее в лоб и оглядел неулыбчивыми выпуклыми глазами. Дворянство покупное, ясно, как и подданство. И двадцать ли ей? Не меньше ль?

— Любезная моему сердцу племянница, — громогласно утвердил он ее в степени родства, — к несчастью, я здесь лишен общества моих дорогих детей, и потому не взыщите, если весь богатый запас поучений и наставлений достанется вам.

— Думаю, это пойдет мне только на пользу, достопочтенный дядюшка.

Мессер Федерико кивнул так, точно услышал и принял к сведению ответ своего секретаря, потом подставил ей локоть, такой же крепкий, как у капитана, и повел к столу.

— Кастильский двор — строгий двор, — наставлял он ее, отхлебывая из кубка и заедая местными крупными маслинами. Маслины были разрезаны вдоль, вместо косточки в них вложили копченый миндаль, — кроме того, это двор гордецов. Иные гранды имеют привилегию не снимать перед королями шляпы, и род их порой древнее и знатнее королевского. Таковы Альбы, Мойя, Медина-Сидония, Мендоса, Агилары... Они — самые большие гордецы во всей Европе.

Мона Алессандрина слушала вполуха — куда более ее занимал жареный фазан, нафаршированный потрохами дичи и пряными травами. “Кортезана!” — подумал мессер Федерико, исподволь наблюдая за ней, и отмечая в ней странную двойственность. Так, высокая, она казалась маленькой, нежной; светлые будто бы волосы временами холодно отливали темным; на вздернутом носу при повороте головы вдруг проступала горбинка; опущенное лицо казалось узким, грустным, но стоило ей вскинуть подбородок, и проявлялись широкие скулы, а в разлете бровей сквозила дерзость; белые кисти рук, с виду тонкопалые и слабые, вдруг выказывали быструю хватку и узловатую кривинку пальцев, и становилось заметно, что мона Алессандрина носит не самый маленький размер дамской перчатки.

— Двор так же не одобряет ничего хоть сколько-нибудь неблагочестивого. Не вздумайте шутить над священниками или рассказывать нескромные новеллы. В иных домах, впрочем, это можно — но только если сойдется круг избранных, которые доверяют друг другу. Что же до дел любовных, то все здесь скрыто от глаз, и даже о королевских привязанностях не говорят вслух, а если что выйдет наружу, то будет не миновать крови.

Мона умяла фазана, и, придерживая широкий рукав, потянулась к фруктам, окончательно утвердив мессера Федерико во мнении, что она —

кортезана. В глазах ее было ожидание.

— Завтра после обедни, любезная племянница, я представлю вас одной особе. Это очень красивая и глупая дама, она англичанка, и находится в большой милости у королевы.

Мона Алессандрина кивнула так, точно услышала и приняла к сведению сообщение своего секретаря.

...Плоское пасмурное море казалось вязким, как полужастывший холодец – да и цвет был тот же. Темно-белая пена качалась на воде редкочистой рваной сетью – в каждой многоугольной ячейке пласталась дохлая медуза, окруженная лохмами блеклой водоросли. Даже прибоя не было – студенистые воды приступали и отступали беззвучно, всего-то на две-три ладони накрывая слизистый галечник. Не было и птиц – воздух, пустой, как в первые дни творения, был очень низко затянут мучнистой пеленой. В гуще ее чуть просматривались длинные серые полосы, широко расходящиеся из какой-то одной точки за тугим морским окоемом – словно там, вдали, за земным горбом сплошное полотно тучи подымалось, как верхушка шатра, и провисало теньвыми складками.

Ей еще не случалось видеть такого моря и такого неба: зрелище так захватило, что она даже не удосужилась задуматься – каким ветром ее занесло на этот берег, где серая щетинистая травка только в ста шагах от воды принималась обживать гальку, опутывая камни терпкой паклей своих корешков.

Спокойствие небес и вод казалось принужденным: она поймала себя на том, что чего-то ждет, скользя взглядом меж мягкой плотностью тучи и вялой плоскостью моря...

Торнадо. Слово явилось само, свободное от языка, к которому принадлежало, от значения, слишком простого (всего-то – вертушка!) для того, чтобы дополнять Имя. Имя единое тех трех или четырех темных извивающихся столпов, что кружили один возле другого – паслись – на открытой воде очень далеко от берега. Тонкие, сочетающие грацию угря и водоросли, уходящие верхушками в слепую небесную белизну – они не выглядели силой. Но, не отводя от них глаз, она ждала, жаждала увидеть, как сходящее у самой воды на нет ветряное охвостье подхватывает зазевавшийся кораблик и тянет в тугой ревущий круговорот, круша и кроша все, что мешаает вращению – реи, мачты, киль, каюты, борта, шпангоуты – до тех пор, пока взбесившийся воздух не выбросит из себя шлейфом мелкие черные обломки и лягушками раскоряченные тела.

Но торнадо не сходили с места – по всякому клонясь и виясь, они продолжали пастись, дразня своей отчужденностью и силой – о которой она знала, и которой не чувствовала...

И ей еще подумалось: а бывает ли такое на самом деле?..

День второй

В который мона Алессандрина представлена донне Элизабете Морелла д'Агилар, и та удостаивает ее обращением «донна».

Мраморные мостовые с водостоками и плывущие слева и справа портики были бы куда более к лицу сиятельному послу, чем разбитая мавританская вымостка и пестрые навесы над лавками и тавернами — думала мона Алессандрина, глядя на город, наполовину скрытый гордым длинноносым профилем мессера Федерико. К лицу ему было бы приветствовать встречного патриция кивком и поднятием руки, и морщиться, минуя плебейское сборище по пути на гонки колесниц или гладиаторские бои в Коллизеум, высокий, огромный, круглый, как основа для Вавилонской башни.

Сиятельный посол следовал к обедне в больших конных носилках, и для этого пришлось выбрать самые широкие улицы.

Они опоздали и свои два почетных места заняли последними. Мессер Федерико был недоволен.

За высокими спинками скамей совсем не было видно темных обширных нефов, полных простого народа, а впереди — близко — сиял алтарь, где спешили с последними приготовлениями служки, и собор казался меньше, чем был на самом деле... Белоствольный лес витых колонн поддерживал своды, тонувшие в желтоватой мгле. Тонкий глянцевиый орнамент оплетал сплошной вязью полукупол над алтарем. Алессандрина вглядывалась в орнамент, по извечной людской привычке вычленяя из многих линий знакомые очертания — какой-нибудь пальчатый фиговый лист или фигурку зверя. Очень скоро у нее заболели и набрякли слезами глаза, а орнамент заколебался и зарябил. Она отвернулась.

Настроения молиться не было: не шел из головы чудной сон про торнадо. Да она и не молилась, как люди молятся, полагая, что с Богом можно говорить только мысленно, да и то не во всякое время. Однако она весьма непринужденно и сосредоточенно проделала в течение часа с лишком, пока длилась месса, все то, чего ждут от набожной прихожанки, краем уха слушая, как бормочет молитвы мессер Федерико. Дома, стоя в церкви мессу, можно было заодно узнать все городские тайны. Здесь отовсюду текла слитная латынь, любое постороннее слово резануло бы слух, как тихо его не прошепчешь, любое лишнее движение, кроме земного поклона, было

бы замечено. А стоило поднять голову, как проклятый орнамент всеми своими острыми углами впивался в зрачки.

Наконец, все хором выдохнули «Amen!», Алессандрина — с тайным облегчением, и тут же ее локтя коснулся предупредительно подставленный локоть посла:

— Какой странный собор, дядюшка, — заметила она, опустив для краткости «достопочтимого», когда они уже оказались на паперти, — все нефы одинаковы, и...

— Это бывшая мечеть, — оборвал он ее размышления, — если угодно, я вам расскажу после... Целую руки вашей светлости! — нараспев обратился он к рослой разряженной женщине, рядом с которой Алессандрина показалась девочкой, и с чувством приложился к милостиво протянутой руке.

Дама выжидательно улыбнулась.

— Вы с каждым днем расцветаете, ваша светлость... Позвольте мне представить — моя племянница, мона Алессандрина.

Алессандрина присела в низком-низком реверансе, помня, что кастильцы — ценители церемоний.

— Рада приветствовать вас, дон Федерико, и вас, донна Алессандрина, — дама в ответ поклонилась только слегка. Она говорила с очень сильным акцентом и была красива. И глупа, если это о ней упоминалось вчера за обедом.

— Донна Алессандрина, прошу вас не брать пример с вашего дядюшки, и звать меня донна Элизабета, а не «ваша светлость», — видно было, что фраза далась ей с некоторым трудом. Алессандрина поблагодарила за честь.

Они сошли с паперти, раздавая монеты осаждающим со всех сторон нищим. Донна Элизабета была не слишком щедра, попрошайкам пришлось довольствоваться медяками. А внизу у ступеней донну Элизабету ожидала свита — не меньше двадцати всадников, и ее собственная белая арабская лошадка, на длинной черной попоне которой красовался герб — алый орел, с девизом: «Все что хочу — найду, все что найду — возьму!» Мессер Федерико помог донне сесть в седло, расцеловал ей на прощание руки и шитый стеклярусом подол, Алессандрина присела.

— Какова? — спросил он уже в носилках.

— Красива. Богата. Скупа. О ее уме я не успела составить мнения. Она грандесса?

— Да, грандесса. Маркиза Морелла и графиня д'Агилар. Действительно, богата. Не сказал бы, что скупа, но бережлива. И очень приближена Ее

Высочеством, очень. Я бы сказал, чрезмерно приближена. Не проходит и дня без того, чтоб королева не сказала о ней доброго слова, а за королевой повторяет весь двор. Потому не скупитесь на добрые слова. Еще у этой дамы есть муж, но он нестоящий человек, хотя и племянник короля.

— Племянник короля?

— Незаконнорожденный сын его покойного старшего брата и какой-то мавританки.

Алессандрина покривила рот.

— И правда, нестоящий... Он красив?

Мессер Федерико хохотнул.

— Весьма. Но он со вчера в отъезде. Вы вряд ли его увидите.

День третий.

Который мона Алессандрина посвящает
незначущей, как кажется, болтовне.

В просторном доме донны Элизабеты не было места словесным и иным вольностям. В нем царила, даже тиранствовала благопристойность одежд и речей. Зато повсюду было очень много золота и позолоты, отчего казалось, будто тонкий золотой туман стоит в неподвижном душистом воздухе высоких покоев, исчерченных по потолку тем самым орнаментом, от которого у моны Алессандрины заломило глаза в соборе.

Общество было пестро как одеждами, так и составом — обласканный светом астролог, двое молодых идалго, глядевшие на всех искательно и тревожно, дама в широкой юбке на обручах по образу и подобию королевы Хуаны; она никак не могла удобно усесться, все привскакивала, и явно прибыла из провинции, куда дошел слух о Хуаниных юбках, но не секрет их покроя. Была и доверенная подруга Ея Высочества, Беатрис де Бобадилья, маркиза Мойя. Она сидела поодаль в глубоком кресле с подушками и неторопливо рассматривала одного гостя за другим, с таким выражением, с каким ребенок смотрит на ученых обезьян. Стоило оказаться под ее взглядом донне Элизабете, как лицо маркизы озарилось короткой холодной улыбкой, означающей видимость расположения.

Федерико подольстился к Элизабете, рассыпавшись в комплиментах. Та порозовела, внимая, отчего стала еще краше, и немедленно повела Алессандрину смотреть настоящий кастильский дом с патио, фонтанами, резными балконами, померанцевым садом в белой ограде и мощеной фаянсовыми плитками асотеей. По пути донна Элизабета любезно объяс-

нила гостье странную особенность арабесков: в них нельзя отыскать очертаний животного или растения, потому что магометанам запрещено изображать живое на мертвом. А если упорствовать и искать очертания, то в наказание разболятся глаза. Мона Алессандрина удивилась: почему, если наказание предназначено для неверных, глаза болят и у добрых христиан? Донна Элизабета пожала плечами, и сказала, что, по ее мнению, нечего вообще смотреть подолгу на арабески, потому что даже если ничего в них не ищешь, в глазах все равно рябит.

Как и всякий богатый дом, этот был полон челядью. Донна Элизабета полушутливо посетовала, что большинство прислуги без толку снашивает одежду и обувь. Будь ее воля, — сказала донна, — будь ее воля, она бы все тут устроила на милый ее сердцу английский лад, когда прислуги ровно столько, чтобы работы с избытком хватило на всех.

Кастильское наречие для них обеих не было родным, и от этого донна Элизабета чувствовала себя с моной Алессандриной проще, чем с остальными гостями. Чем мона вскоре и воспользовалась, совершенно заболтав маркизу Морелла, так что прогулка по дому затянулась изрядно.

... Описав (с чьих-то слов) мраморную ванну герцогини Беатриче д'Эсте, куда горячая и холодная вода текут из золотых дельфиновых головок, и снискав восхищение маркизы итальянским *gafine*, мона Алессандрина стала рассказывать о вещах бесполезных, но забавных. В числе прочего — про камеру-обскуру, и про то, какая получается точность перспективы, если с оной камеры-обскуры зарисовать свинцовым грифелем, скажем, сельский вид. Донна Элизабета смутилась: перед ней была ученая женщина. О них она слышала много смешного. Однако гостья вовсе не была смешна — молодая, изящно одетая, ни на волос не отступающая от правил дворянского вежества, сыплющая словечками «камера-обскура», «квадрант», «астролябия», «космография», как иная сыплет названиями благовоний и сортов шелка. Впрочем, по одежде судя, с шелками она знакома не хуже, чем с астролябиями. Тут донна Элизабета решила, что ей, грандессе кастильской, теряться не к лицу, и сказала, что в Кастилии можно так же сыскать множество прехитрых вещей, о которых в Италии и не слыхивали — она чуть не взмокла, выговаривая эту фразу.

— Ловлю вас на слове, — улыбнулась мона Алессандрина, — мне говорили, будто в Кастилии у одного лигурийца есть странная карта, на которой указан путь в Индии через море Мрака. Возможно ли будет поглядеть на нее хоть одним глазком?

Донна Элизабета важно улыбнулась любознательной гостье и сказала, что, конечно, возможно, хоть завтра, потому что дон Кристоаль, упомянутый лигуриец, человек небогатый, и от приглашения на прием с обедом не откажется. Кроме того, он весьма ценит просвещенное внимание.

...Она подымалась на полулысый песчаный взгорок. Жесткая травка росла на нем ершистыми кочками, которые ближе к вершине срастались в подушки. За спиной - она без всякой оглядки знала - должно быть плоское студенистое море с пасущимися вихрями. Но оно не пробуждало в ней любопытства. Вершина холма загораживала обзор, как будто прирастала с каждым новым шагом: над ее жухлым горбом было видно небо, такое же близкое и безотрадное, как растущая перед глазами песчаная трава - словно не небо и было. Она прибавила шагу. И когда треклятая вершина таки оказалась под ногами, перед глазами все изменилось: склон полого уходил вниз - как на дно - на солнечную равнину. О расстоянии можно было судить по крошечным до смешного деревьям, неподвижным змейкам рек и тонкой сетке желтых дорог, небрежно брошенной поверх всего этого - но самого расстояния не чувствовалось. Ощущение было - будто модель (какие делают для наглядности зодчие из мха, песка и фольги) вплавлена в дымчатое стекло - все под ногами, но рукой не достать. И еще она чувствовала, что к противоположному краю равнины (отсюда не видно) прилегает обычное море, синее в белых барашках, а возле моря разлегся город, и вот туда-то ей надо.

Она устремилась вниз.

Под ноги вскоре попала подходящая дорога, плотно укатанная, желтая и сухая, словно над ней неделю не выпадало дождя. Края туч сияли от солнца, тепло его уже уверенно легло на лицо, но само солнце все не могло вырваться на чистое небо - как она четверть часа назад не могла перевалить холм. А в спину поддувало холодком - верно, подумалось, он тек с верхнего плоского моря, где недавно - вдруг сообразила она - в полную силу буянили торнадо: оттого-то и мертвая зыбь с мертвыми медузами.

Равнина уже оттеснила холм. По верхушкам дальних рощ скользила граница между «ясно» и «пасмурно», своими изгибами выхватывая из тени отдельные деревья и бросая на них новую тень. Но она не могла догнать солнце, и все вокруг казалось поникшим: покосы с отросшей отавой, рощи, придорожные акации в тонком желтом налете на темной листве. Холодок все дул в спину, томя и тревожа, и когда она обернулась, то увидела крутящийся столп серого тумана, подпирающий низкое - рукой подать - небо. Он был еще неблизко, но чем было это расстояние для него?

Она поняла - надо бежать, но ноги не слушались, словно в воде...

День четвертый

В который супруг донны Элизабеты, дон Карлос, титулует мону Алессандрину «сеньорой», из чего та заключает, что дон Карлос догадался, каковы истинные ее намерения.

Глубокое кресло с подушками, которое вчера занимала маркиза Мойя, сегодня было предложено мне Алессандрине. Благодарно улыбнувшись, та присела, поставила одну ногу на скамеечку и раскрыла на колене аспидную доску, намереваясь делать заметки — на то она и ученая женщина из просвещенной Италии. Вокруг стола опять сидело полно дам, но, судя по нарядам и манерам, это были мелкотравчатые подхалимки, вьющиеся возле вошедшей в силу особы как мухи возле тарелки с подридой. При виде вошедшего дона Кристобая, лигурийца и морехода, глаза у них у всех заблестели одинаковым масляным блеском.

Дон Кристобаль начал рассказывать как будто с неохотой, понимая, что его позвали для забавы похотливых бездельниц, однако мало помалу он разошелся и стал вдохновенен, описывая легкость и простоту нового пути в Индии, для отыскания которого нужно всего-то ничего. Краем глаза мона Алессандрина заметила, что сиятельная маркиза шевелит губами, точно считая в уме. Карта лежала на столе, очень четкая, большая, желтоватая. Дон Кристобаль то и дело указывал на нее, дамы тянулись, разглядывая. Грифель моны Алессандрины беззвучно танцевал по аспидной доске, черта за чертой перенося на нее контуры Иберии, колючую розу ветров, тонкую градусную сеть, стрелы течений, россыпь островов — не все, конечно, что было на карте, только самое главное. Те, кому надо, разберутся в наброске. Рука чертила, а уши внимали. Дома она запишет по памяти основное из услышанного и приложит к наброску, скопированному с доски на тонкую бумагу.

Покончив с черчением, мона Алессандрина принялась украшать карту завитушками и дополнять подробными разъяснениями: что как называется и почему так, а не иначе. Донна Элизабета иногда косилась на аспидную доску и пребывала в явном восторге от способностей гостьи к рисованию карт. Мона Алессандрина в душе посмеялась над ней.

— Дон Кристобаль, вы, как всегда, великолепны и убедительны. — Сказал мужской голос у нее за спиной. Вздрогнув, она обернулась, а мужчина, улыбаясь, продолжил:

— ...так великолепны и столь убедительны, что никто из благородных дам не соизволил меня заметить, даже моя супруга. Право, вы рискуете жизнью, ибо в ревности я страшен.

Донна Элизабета рассиялась в счастливой улыбке и встала к нему навстречу. «Ба, да она его любит!» — пронеслось в голове у моны Алессандрины, — «Мадонна, да он стоял прямо у меня за спиной...» А то, что он красавец, каких мало, она не отметила даже про себя.

— Муж мой, я приветствую вас дома. Позвольте представить, донна Алессандрина, племянница дона Федерико Мочениго, посла венецианского. Я теряюсь при виде ее совершенств.

— Первейшим из которых, несомненно, является ее красота, — маркиз склонился перед Алессандриной очень низко, словно перед коронованной особой. «А он ее не любит...» — эта мысль не мелькнула в голове Алессандрины, а пришла и осталась.

— Ее ученость стоит наравне с ее красотой, — парировала донна Элизабета. «При всей своей любви спуска супругу она, видно, не дает».

— И мы должны быть благодарны мадонне Венеции за сей образец восхитительной гармонии...

Человек с лицом падшего ангела целует ей руки и говорит двусмысленные, которые щекочут сердце, как ядовитые волосы медузы... Медузы... Мертвые медузы на пенной воде. Свитые из ветра столпы, один из которых, преодолев рубеж суетного дня, оказался у нее за спиной...

Откуда он тут взялся, если должен был уехать? Почему вошел так тихо? Почему следил за ней? — а ведь следил же, и давно. С первых штрихов на аспидной доске.

— Сеньора Алессандрина, я полагаю, впервые в Кастилии?

Ловко же он подменил «донну» на «сеньору». Так можно назвать и дворянку, и торговку, и девуку.

— Да, ваша светлость. Моя родня решила, что мне стоит посмотреть мир.

Улыбка. Еще улыбка. Полудетская. Застенчивая. Чуть-чуть испуганная. Я просто ученая девица, ваша светлость, не более того, я ученая девица из Венеции.

— Мы здесь еще не привыкли к столь открытым нравам. Возможно, наши дети... — маркиз повел глазами в сторону жены. Та расцвела. Боже, как она его любит. До смерти.

Дон Кристобаль почувствовал себя лишним. Он стоял возле стола и большими белыми руками бережно сворачивал свою карту, которая так удачно перешла на аспидную доску ученой венецианки.

— Прошу простить, дон Кристобаль, я прервал вас, — обратился маркиз к мореходу, — но вежество требует представиться даме.

— Я уже закончил, — ответил лигуриец, — и благодарю вас за гостеприимство.

— Еще рано, — улыбнулся маркиз, — я полагаю, ожидается пиршество, не так ли? — повернулся он к супруге. Донна Элизабета с готовностью подтвердила.

— Тогда прошу вас, сеньора Алессандрина, и вас, сеньор Кристобаль, — лигурийцу достался приглашающий жест, Алессандрине — изящно отставленный локоть хозяина. Она оперлась. Рука ее не была тверда.

Он почувствует дрожь и почувет страх, непременно.

У него дюжина личин, не меньше. Одна личина показывает, что он ничего не заметил. Другая дает понять: «Я знаю, почему ты дрожишь. Ты дрожишь, потому что я так красив, так близок и так недоступен». Третья намекает: «Я раскусил тебя. Ты знаешь это. Ты боишься меня и правильно делаешь». Четвертая усмехается: «Маленькая куртизанка, прибавляющая себе годы, покупающая в долг дворянство и подданство, тебе ли дурачить меня?»

Однако по здравом размышлении Алессандрина решила, что мнительность может сослужить ей плохую службу. Лицо маркиза в конечном счете было вполне приветливым, и на поверку он мог оказаться зауряднейшим вельможей, что женат по расчету на богачке ниже себя по положению. Само собой, он поднаторел в куртуазных беседах, отчего его речи и кажутся двусмысленными. И вообще не стоит думать о плохом, иначе это плохое непременно случится. И к черту сны — этаким ни в одном соннике не сыскать толкования.

— Скажите, сеньора Алессандрина, а может ли венецианская дама благородного происхождения занять место дожа?

— Нет, ваша светлость, ибо женский разум не годится для управления, — мона Алессандрина улыбнулась, всем своим видом дав понять, что отнюдь не убеждена в только что сказанном, а всего лишь повторяет общепринятое.

— Однако, это несправедливо! Вы, венецианцы, так гордитесь вашим государственным устройством, а меж тем ваши дамы лишены права, которое есть по крайней мере у женщин королевской крови — занять престол. Между прочим вы напрасно так низко цените ваш разум. Пример королевы донны Исабель доказывает, что женщина на престоле может управляться не хуже иного мужчины.

— Королева донна Исабель — исключение, подтверждающее правило. Женщины иногда бывают тверды, а мужчины напоминают плаксивых баб, это случается. Но это редкое явление, свойственное временам упадка. Если вспомнить Рим...

— Не будем поминать Рим. Сейчас, слава Богу, времена иные. Но тем

не менее, сеньора, мне кажется, что вы из твердых женщин, и мысль о власти не может не искушать вас.

— Я видела власть имущих так же близко, как вижу вас. По моему мнению, в их жизни нечем искушаться.

— Ваша рассудительность делает вам честь. Я не премину передать это вашему дядюшке.

— Вы его премного тем порадуете, ваша светлость.

Маркиз слегка наклонил голову. Алессандрина сообразила, что, собственно, они уже давно предоставлены друг другу в полутемном углу большой гостиной залы: донна Элизабета с другими гостями азартно играли в кости на мелкие монетки, дон Кристобаль, должно быть, насытившись, исчез вместе со своей картой.

— Вы позволите? — маркиз указал на аспидную доску, которую она так и держала на коленях.

— Разумеется.

Некоторое время он всматривался в карту молча. Потом любопытствовал:

— Вам это полезно в ваших занятиях?

— Это курьезно. Я люблю все курьезное.

— Нарисовано умело.

— Мой дедушка был большой чудак. Он хотел внука, как и многие дедушки, и потому учил меня тому, чему учат обычно мальчиков.

— Не всякого мальчика учат космографии.

— Он был чудак, я говорю. Учить меня бесполезным для женщины вещам было единственным доступным ему утешением... Да то еще, что я схватывала все на лету.

— И как вы полагаете, можно ли так добраться в Индии?

— Не знаю. Но это любопытно. И дон Кристобаль так об этом рассказывал, что поневоле начинаешь верить.

— Дон Кристобаль этим кормится. В прямом смысле слова. Признаться, если бы мои дела не находились в некотором расстройстве, я бы всячески споспешествовал ему. Но, увы. — Маркиз слегка вскинул брови, развел руками. — Кстати, я слышал, Венеция тоже проявляет любопытство к сему начинанию...

— Возможно. Очень возможно. Венеция стоит не на земле, а на палубах своих галер.

— Хорошо сказано. Вы, вероятно, владеете пером не хуже, чем грифелем, сеньора?

— Иные хвалят мой стиль, чем вгоняют меня в краску.

— Я мог бы дать вам некоторую пищу для ваших заметок, ежели вы склонны их вести.

— Ваша достойная супруга будет ревновать, ваша светлость. Она не производит впечатления смиренной.

— Вы верно угадали, она не смиренница. Но мои дела нимало ее не касаются. Если вам угодно увидеть Кастилию так, как она видна кастильцу, я завтра же готов сопровождать вас повсюду и рассказывать вам все, о чем вы не попросите.

— Это очень лестное предложение, ваша светлость...

Блеск его глаз слепил. То есть, его блестящие черные глаза, изящно удлинённого разреза, с темными веками, были непроницаемы для самого острого взгляда. Он говорил мягко и тихо, но — он говорил, а ей оставалось поддакивать или в лучшем случае прикрываться самыми общими словами. Он был красив, но его близость ощущалось не как близость человека, изо рта которого исходят теплые запахи еды и вина. Во время испуленной бессловесной молитвы порой нисходит на темя и плечи тяжкое дурновоние с небес. Нечто подобное — тяжесть и трепет — в его присутствии, в его вопросах, в его ярких глазах.

«Поблагодарить, согласиться и откланяться — сейчас» — поняла она так четко, словно бы кто-то подсказал ей это.

Дома, едва переодевшись в свободное распашное платье, она уселась перерисовывать карту дона Кристобалья. За этим занятием и застал ее мессер Федерико. Он глянул через ее плечо в карту, и губы его округлились, изготоясь сказать удивленное «О!», округлились и глаза. Промолчал он только потому, что боялся помешать ей вычерчивать берег Иберии.

— Вот так племянница у меня выросла! Неужто прямо там и срисовала?

Она кивнула и отложила сухое перо.

— Далеко пойдешь. Заканчивай. Завтра отправим с курьером и с голубком.

— Скоро ли будет галера, дядюшка?

— Дней через десять, не раньше. Уж потерпи, — успех настроил посла на благодушный лад, — развлекайся покуда, племянница. Мы тебе откроем кредит. Мавританское золото здесь куда как хорошо, и можно взять задешево.

— Дядюшка... — она помедлила, запоздало раздумывая, стоит ли рассказывать, пришла к выводу, что защита посла венецианского в нынешних обстоятельствах будет нелишней, и призналась, — я имела честь свести знакомство с супругом донны Элизабеты. И прошу вас рассказать мне

о нем подробнее, потому что моя скромная персона его не в меру заинтересовала. Да и его персона мне небезынтересна.

— Откуда он взялся? Как я слышал, он должен был уехать...

— Вот и я думаю, откуда? — произнесла мона Алессандрина таким тоном, словно посла обвиняла в несвоевременном возвращении маркиза.

— В чем именно выразился его к тебе интерес?

— Наотвешивал мне комплиментов и сказал, что готов сопровождать меня везде и всюду. При том сказал так, что отказаться было невозможно.

Посол стукнул себя кулаком по раскрытой ладони.

— Очень даже возможно было бы отказаться! Сказала бы, что я не позволяю.

— Он грозился и вам напеть похвал в мой адрес. Наверное, он не постеснялся бы испросить у вас разрешения на прогулки со мной. И вы бы ему не смогли отказать, дядюшка. Все-таки он родственник короля.

Посол какое-то время хмуро молчал. Потом сказал:

— Ладно, не волнуйся. Интерес его скорее всего самого обычного свойства. А если станет совсем неспособен от его ухаживаний, уедешь в Лисбону, поплывешь домой оттуда. Рекомендательные письма я дам...

— Все-таки, что он за птица?

— До недавнего времени был той самой птицей, которая на его гербе. И поступал точно по своему девизу. А сейчас он свои обломанные когти весьма искусно прячет под мягкими перьями и даже может казаться грозным, как показался тебе. Но если знать обстоятельства, это впечатление рассеется.

— О какой же камень он обломал когти?

— Представь себе, об одну девицу. Девица была небесной красоты, родом из Англии, и приданого у нее хватило бы скупить пол-Кастилии.

— Элизабета?

— Ее кузина. Эта история достойна мессера Мазуччо. Я бы тебе рассказал, да не хочу отвлекать тебя от карты. Тебе хватит терпения дожидаться утра?

МАРИЯ ЧУЛКОВА

Об авторе.

В Финляндию привел профессиональный интерес. Творческие командировки раз от разу затягивались, становились все длиннее. Постепенно сложилась жизнь на две страны или две непохожие друг на друга жизни: там и здесь — слова-перевертыши, здесь и там, в зависимости от того, где находишься в данный момент...

И еще одна маленькая, тоже совершенно особенная и обособленная жизнь (уже третья), проживаемая в дороге (поезд или самолет) по нескончаемому маршруту: туда и обратно, туда и обратно...

И совсем по секрету. К этим трем можно прибавить еще и четвертую жизнь — на корабле Викинг-лайн во время круиза «Хельсинки-Стокгольм-Хельсинки», опять же по долгу службы совершаемого очень часто. Все рожденное во время этого плавания — и вылилось на бумагу...

Ранее публиковалась в региональных и центральных периодических изданиях.

СЕМЬЯ И МОРЕ

Их было четверо. Семья как семья. Он и она или она и он - это вечное, неизблемое, и к тому же родители, отец и мать еще двоих: сына Гоши и сына Кирюши.

«Мы все на «ши», - смеялся иногда отец, - Миши, Кирюши, Гоши, Валуши, помните правило? **Жи** и **Ши** - пиши букву **И**». А?

Но это, конечно, относилось к младшему отпрыску, который учился еще только в третьем классе, зубрил русскую грамматику и повторял эти надоедливые правила.

Старший Гоша уже заканчивал школу и готовился в институт, благополучно освоив всю учебную программу и даже пробуя силы в собственных сочинениях по русской словесности.

Здесь следует сделать маленькое отступление. Семья жила не в России, а в одной уютной северной стране, где отец находился на ответственной работе.

Кирюша однажды очень просто сформулировал своим одноклассникам обязанности отца: «Он защищает Балтийское море от всего плохого или

проще - ЗБМ - защитник Балтийского моря». Вот так, немного-немало!

Она о нем

Мне всегда хочется говорить о Мише, есть он рядом или нет, я думаю о нем почти всегда и скучаю без него. Конечно, он постоянно на работе, с утра до вечера, а если и дома, то продолжает мыслями витать где-то там, в кулуарах своего Экоцентра.

Нет, я не ревную его к его любимой работе. Когда-то именно такая его увлеченность делом и преданность идее Эко и идее Чистоты меня и очаровали в нем. Все-таки Миша необыкновенный человек!

Мы приехали сюда из Калининграда. Так вот, еще там он предпочел велосипед всем другим видам транспорта. «Хоть немного да сократятся вредные выбросы в воздух, - объяснил он сыну Гоше, которому в то время было столько же, сколько сейчас Кириллу. - Посмотри, какой дым идет из машин! Уф, разве можно этим дышать!»

О дорогах и говорить не стоит!

Нельзя даже сравнивать теперешние финские, специально оборудованные трассы с теми калининградскими! Здесь в Финляндии, как и во многих других европейских странах, на обычных пешеходных тротуарах прочерчивается полоса, которая делит этот тротуар на две дороги: на одной нарисованы малыш с мамой за руку; на другой изображен велосипед. Вот и следуйте указаниям и выбранному маршруту!

Миша ездил на велосипеде, хотя в гараже стояла машина. Тогда его было не разубедить, а автомобили с экологическими двигателями стоили немислимо дорого.

Там, в Калининграде, ребята с Мишиной работы смеялись и подшучивали над ним, даже прятали его велосипед. Но Миша спокойно реагировал на все подкалывания коллег, и некоторые из них даже сами «заразились» от него любовью к велосипеду и чистоте. Когда на работу стали приезжать на велосипедах и другие сотрудники, Мишу оставили в покое, и уже никто над ним не смеялся.

А я, в первую же свою туристическую поездку во Францию — родину, кроме всего прочего, и велоспорта, - привезла ему самую удобную, надежную и красивую французскую велоформу. Он до сих пор ее использует, потому что велосипед продолжает оставаться его любимым видом транспорта, хотя здесь, в Финляндии, мы уже смогли позволить себе приобрести настоящую экологическую машину. Ну, как же — по статусу(все-таки - ответственный работник) мой муж должен иногда появляться на серьезном

автомобиле!

К работе я его не ревную, но не скучать без него не могу. Тем более, что самой мне приходится сидеть дома и заниматься домашним хозяйством.

Я очень люблю свою мастерскую в ателье, где я некоторое время работала дизайнером.

И работа продвигалась успешно. Но у нас растет сын Кирилл, который в свои десять лет стал требовать повышенного внимания, особенно здесь, на новой почве. Не все у него ладится, не все получается, и язык финский трудный, и возраст, наверное, у него тоже трудный. Поэтому на семейном совете решили оставить меня дома.

Я всегда слушаюсь Мишу, хотя внутренне могу с чем-то и не согласиться...

М О Р Е

... Тихо садилось солнце за покатою Морской спиной. Волны смиряли свой бег, готовясь к ночному отдыху. Вода отражала небо, на котором отчетливо проступала сочно-малиновая полоса заката с дымными прожилками облаков. С каждой минутой небо медленно и неуклонно затягивалось мглой. Все тоньше становился переход от более насыщенного к менее насыщенному цвету, красочная полоска заката все сужалась, спускаясь ниже и ниже к горизонту.

Море вздохнуло. Оно всегда вздыхало в эти минуты, когда День прощался с Миром и уходил за ту черту. Ночь навевала на Море грустные мысли, даже если была лунной и светлой. Тишина поднимала из морских глубин далекие воспоминания, которые не подавали голоса в дневное время. Море старалось отогнать их, но они властно проникали в его душу, заполняя каждый ее бездонный уголок.

Детство вспоминалось как легкая и беззаботная пора. Все было наполнено светом, радостью узнавания и бесконечным Временем впереди...

Сладко будоражили воспоминания более позднего периода. Море было очень влюбчивым и постоянно влюблялось: то в чаек, весело снующих над его просторами; то в скалы и утесы с их острыми краями и шероховатыми поверхностями. Море омывало их до тех пор, пока камни не становились гладкими и податливыми, готовыми на все...

Снова проходили годы и годы. Немало утекало Воды с его просто-

ров, немало было прожито и пережито. Бури и штормы сильно перемололи его изнутри, делая все более терпеливым и выносливым.

Море умело любить, училось терпеть, и ему очень хотелось дружить с кем-нибудь, чтобы рассказывать свои бесконечные истории о рассвете жизни, своем детстве; о ярком сиянии любви в пору юности; о наступлении зрелости и какой-то печали.

Дружба родилась почти сразу, когда в просторах Моря появился белоснежный большой Корабль по имени Викинг.

От него веяло теплом и уверенностью, во всем облике его проступала невероятная прочность и надежность. Так хотелось опереться на его крепкое плечо, поизливать ему свою морскую душу, а потом, наоборот, расспросить его обо всем на свете: где плавал? Что видел?

Их дружба началась с игры. Море обдало Корабль веером брызг, а потом окатило его покатыми белыми боками пенным водопадом. Промытые корабельные бока вдруг засияли в солнечных лучах, Викинг заулыбался, издал мелодичный гудок, а из верхней трубы его заструился теплый сиреневый дымок.

— Море, давай дружить. А? - первый предложил Викинг.

— Ты правильно меня понял, Дружище! - отвечало Море. - Этот водопад и был устроен в твою честь и во имя нашей будущей мужской Дружбы!..

Кирилл о брате и себе

Мой старший брат Гоша в отъезде и даже в очень длительном и далеком: поехал учиться в другую страну. Хорошо, когда тебе семнадцать лет, и ты можешь сам выбирать, где тебе жить, где учиться и отчасти даже — как распоряжаться своей жизнью.

Мне сложнее, потому что меньше лет, но свой путь я бы все равно выбирал не совсем так, как мой брат. Мы с ним всегда много спорим о будущих профессиях.

Он любит кино, музыку и литературу. Это, кажется, называется гуманитарий. Мне очень нравится его компьютерная графика, которой он увлекается чуть ли не со своих двенадцати лет. Я тогда вообще пешком под стол ходил, как шутят мои родители. Но в то время, действительно, я еще мало что понимал и не мог разделить с Игорем его увлечение компьютерным дизайном и графикой.

Маленькие Гошины рассказы читаю с удовольствием, но, если честно, меня увлекает совершенно другая литература.

Я люблю точные математические дисциплины, научные открытия и достижения, и четкое понимание того, какую пользу я смогу принести, например, науке.

А у Гоши все туманное, романтическое, музыкальное, а потому непонятное и неопределенное. Вот отсюда наши вечные споры с ним, а иногда и ссоры.

Я пытаюсь доказать ему, что жить надо рационально и взвешанно, как говорит папа, и я с ним совершенно согласен, а Гоша может забыть обо всем на свете, бегать по берегу и фотографировать своих любимых чаек, закат на море и всякую такую ерунду...

Но сейчас, когда брата нет, мне его сильно не хватает. «Не с кем тебе спорить!» - смеется мама, и в чем-то она права. Дискуссии у нас с ним, конечно, бурные и продолжительные, но ведь не только это. Брату, например, первому я рассказываю о своих технических задумках. Мне нравится изобретать, вот я и делюсь с Гошей некоторыми разработками, рисую ему схемы и объясняю принцип действия какой-нибудь совершенно новой конструкции. Скажем, новый вариант посудомоечной машины для мамы, а до этого занимался стиральным агрегатом. Чего-то меня все бытовая техника притягивает!

А сейчас и поделиться особенно не с кем. Папа все время на своей работе, мама занимается вышиванием, а к технике у нее душа не лежит, поэтому она в моих изобретениях ничего не понимает. Гоша хотя бы умел слушать и задавать вопросы. Теперь выкручиваюсь один, но часто думаю о старшем брате. Как он там, без меня, мой бедный романтик!

В И К И Н Г

... Не важно, сколько осталось, страшно — не успеть. Не успеть отдать. А отдать хочется так много, всего себя: ведь мне столько дано, я такой богатый!

Плыву и думаю, какой же я большой и красивый, меня отовсюду видно, куда ни кинь взор. И с маленького острова, и с крутого побережья — везде мне машут руками, приветствуют меня и улыбаются, когда я проплываю мимо. Как приятно быть узнаваемым, любимым, необходимым!

Я же как соединительный мост между двумя берегами, и не просто какими-то речными бережками, когда с одного берега виден другой. Я соединяю берега Морские, далекие-далекие друг от друга. Один из них принадлежит одной стране, второй относится совсем к иному царству-

государству.

Две небольшие северные столицы, два различных мира — я привязан к обоим. Мила мне столица и та, что помоложе, откуда я выплываю каждый вечер, и та, что постарше, подревнее, куда я приплываю каждое утро.

А плыву я в любую погоду. Северное лето короткое: чуть погрееет солнце, порадуют теплые денечки, небо ненадолго сольется с водой голубизной и сиянием, - и... зарядят дожди. Морская вода набухнет, станет тяжелой, свинцового оттенка.

В такую погоду я еще больше люблю плыть, потому что особенно нужен своему лучшему Другу. Осень и Море не очень совместимы. В это время его реже навещают Лодки под парусами, никому не хочется залезать в холодную воду, никто не теребит Море и не плещется в его волнах. Моему Другу грустно и одиноко.

И я, конечно, спешу на помощь и выручку. Мы почти сразу начинаем разговаривать с ним, и не можем наговориться, и не можем остановиться.

— Холодно стало,- говорит мне Море, будто я и сам не чувствую порывы осеннего ветра, промозглость и сырость воздуха. Диалог надо с чего-то начинать, пусть даже с очень незначительного и отдаленного.

Я тоже не могу сразу выразить свою нежность этой бесконечной Воде, обостренное чувство радости от встречи со своим любимым Другом. Поэтому бросаю почти на Ветер какие-то общие, никому не нужные фразы:

— Чайки не прилетают, не кружатся над тобою и надо мною, не садятся на Волну, не ныряют за Рыбкой. А ведь без них грустно, не правда ли?

— Правда-правда, - вторит мой Друг и озорно обдает меня веером соленых брызг.

Я крупный и красивый, белые величественные бока мои только еще больше очищаются после этих дружеских омовений. Первая ступень пройдена, начальная преграда смущения преодолена, и наш разговор вступает в более важную и теплую фазу.

— Всегда помни, как мне не хватает Тебя, - говорит Море, тихо шелестя свинцовой водой. - Каждый миг я в ожидании встречи, и мысли бегут тебе вдогонку.

А меня снова будто обдает волной радости. Я все это знаю и чувствую то же самое, но как важно услышать голос Друга, такой близкий и родной, такой долгожданный!

И слова дружеской любви всегда согревают и поддерживают меня. Вот я уже и готов, начинается наша любимая и самая драгоценная часть общения.

Главный предмет или постоянная тема нашего общения — это То, вокруг чего и зародилась наша необыкновенная Дружба. Мы оба не можем до конца понять и постичь Тех, кого называют Людьми. Это мои постоянные обитатели, гости моих палуб и кают... Самые загадочные, самые притягательные, самые необыкновенные существа на Свете!

Он о ней

Я знаю, как за моей спиной подшучивают мои друзья. Они говорят, что Экология — моя первая и законная супруга, а уж Валюша только на втором месте.

Неужели я выгляжу таким одержимым по отношению к тому делу, которым занимаюсь и которому, действительно, посвятил и посвящаю ежедневно свою жизнь?

Мне кажется, я просто честен и нормально выполняю свои обязанности, без всякой помпы. Просто быть экологом по профессии — это для меня слишком мало. Разве можно на работе быть одним, ставить определенные задачи, призывать к ним других людей, а выходя за порог кабинета, становится другим и жить не по тем правилам, по которым только что убеждал жить других. Я так не могу.

Поэтому наверное я эколог по убеждениям и, выходя с работы, сажусь на велосипед, чтобы спокойно по чистому воздуху ехать в сторону нашего дома, а это довольно долго и далеко: из центра Хельсинки в пригородный район. Правда, редко бывает, чтобы я не свернул к морскому берегу, по которому мы нередко прогуливаемся всей семьей.

Здесь, на берегу, я сделал для себя одно открытие, которое стало возможным именно в этой удивительной стране Финляндии, в которой чем дольше живу, тем больше ей удивляюсь.

Оказывается коровы, гуси и некоторая другая живность способны защищать море от вредных процессов. Как? Я и сам это не сразу понял, пока не пораспрашивал местных людей и не разобрался кое в чем. Потом, конечно, смог объяснить все и Кирюше, и Валюше.

Есть такие безобидные на первый взгляд химические элементы как азот и фосфор, которые образуются на суше и надолго остаются на прибрежной заболоченной территории. Стоит только этим элементам попасть

в море, как они тут же начинают провоцировать там усиленный рост планктонных водорослей. А что этим водорослям требуется для жизни? Конечно, питательные вещества, которых в балтийских недрах в избытке (сколько всего сливают, выбрасывают в море!). Для разложения же водорослей требуется кислород, которого уже недостаточно. А бурный рост водорослей ведет к еще большему потреблению кислорода. Бедное море начинает медленно задыхаться и погибать. Свободная водная стихия превращается в густой суп с плотными многокилометровыми сгустками цветущих водорослей.

Что же делать? Некоторые растения способны удержать азот и фосфор на берегу и не дать им возможность проникнуть в море. Кроме того, эти растения служат укрытием для огромного количества птиц, устраивающих свои гнезда в камышовых зарослях, и рыб, которые также обитают на мелководье в камышах. Да и сам камыш очень быстро разрастается вдоль берега, отвоевывая у прибрежных лесов все больше и больше места.

Так вот, чтобы контролировать соотношение полезной и вредной растительности, можно, конечно, использовать всякую технику, а можно прибегнуть и к естественным «косилкам», например, к коровам! Существуют даже специальные их породы, например, йоркширские или хайлендеры, которые выходя на пастбища, оказывают огромную помощь морю, потому что предотвращают зарастание заливных лугов бесполезным кустарником. Эти коровушки пасутся на заболоченных участках берега, они очень неприхотливы и могут жить на таком диком выпасе практически круглый год.

Вот такая вилла с романтическим названием Эльфвик— удивительный природный резервант, где можно увидеть умных йоркширских коровушек, понаблюдать за жизнью уток и лебедей, просто погулять по лесу, - и находится на том побережье, куда я всегда заезжаю по дороге домой. А создали ее мои удивительные финские коллеги!

...Моя жена всегда была, есть и будет у меня только на главном первом месте. Она такая красавица! Когда я увидел ее первый раз в гостях у своих друзей, то даже не поверил, что может существовать такая красота. Это сочетание орехово-карих ласковых глаз, нежной кожи, пышных светло-каштановых волос и ее неповторимого тембра голоса могут свести с ума кого угодно! И я здесь не исключение, хотя считался всегда «стойким оловянным солдатиком».

Тогда я долго не решался к ней подойти, хотя понравилась она мне с первого взгляда.

Моя стеснительность — это мой главный недостаток. Очень уж она

мне жизнь портит. Хочу сделать первый шаг и не могу, будто гири к ногам привязаны.

Так и растянулись мои ухаживания не на один год, хотя было мне уже за двадцать.

Все перепетии наших с Валею отношений и не пересказать, много всего было. Чего стоит одно только мое предложение руки и сердца, сделанное в жуткую ураганную погоду и в шторм! Это происходило на пирсе, вокруг было разбушевавшееся Балтийское море...

Нет, я, конечно, не выбирал нарочно такую погоду для своих сердечных объяснений, просто так получилось. Дальше тянуть уже было просто невозможно. Валею могли увести у меня из-под носа: желающие возникали словно из воздуха...

Поэтому действовать мне пришлось решительно и наверняка. А ураган мне даже чем-то помог. Море штормило, и меня штормило, и это состояние роднило нас с ним и внушало мне смелость. Я чувствовал себя немножко Морем, большим и сильным, и в известной степени напористым. Может быть поэтому мне тогда все и удалось.

МУЗЫКА НА ВИКИНГЕ И ВНУТРИ ЕГО

На вечернюю палубу вышли двое — Он и Она — полюбоваться дивным закатом.

— Как красиво! - выдохнула она.

Он молча взял ее за руку, посмотрел ей в глаза и приблизил к ней свое лицо.

Море, словно зеркальное отражение неба, алело закатными лучами и пыталось своим видом ободрить всех, кому не спалось или кто в этот вечерний час задержался на палубе.

А не спалось в этот час многим. Обитатели большого белого корабля Викинг-лайн и не думали ложиться. Шумные веселые компании сновали по всем корабельным палубам.

Кто-то попивал вечерний кофе за уютным столиком с видом на море. Кому-то по душе были более крепкие напитки, от которых становилось весело внутри, а лицо медленно наливалось горячим цветом, схожим с закатным небом.

В небольшом танцевальном зале на седьмой палубе играли музыканты. Двое элегантных мужчин в черных костюмах с упоением перебирали гитарные струны. Третий, чуть покачиваясь, брал аккорды на

клавишном электронном инструменте. Четвертый вслушивался в ритм ударной установки, которой сам же и управлял. Но в центре внимания была худенькая высокая певица с рассыпанными по плечам песочными волосами.

То грустно и медленно, то ритмично и задорно исполняла она народные финские песни, которые рождали удивительное единодушие у всех собравшихся.

Одна за другой на танцевальную площадку выходили пары: кто помоложе, кто постарше, в основном — люди с сединами, в очках, худые и полные, маленькие и крупные, очень разные.

Но со всеми происходило на глазах одно и то же чудо: на ярком паркете танцпола они преображались. Умело и привычно двигаясь под музыку, они сливались с ритмом, музыкальным настроением, всей атмосферой вечернего Корабля, лица их становились радостными и чуть взволнованными.

Пожилые дамы превращались в девушек или уж точно чувствовали себя такими, а седовласые господа выделяли такие коленца, которых сами от себя не ожидали.

Музыканты прибавляли жару, танцующий зал нагревался, принимаемая огонь на себя; ритмы становились все более игривыми и замысловатыми, темп увеличивался...

Все без исключения подпевали музыкантам.

Море слушало все это, иногда тихо вздрагивало. Только неспешные вальсовые мелодии ложились ему на душу, когда в такт с музыкой могли перекачываться его серебристо-шуршащие волны.

— Милое мое, Море, - раздался вдруг голос его Друга, - если бы Ты знало, как невыразимо болит сердце, когда ты слушаешь Музыку и не можешь запеть сам. Мои протяжные гудки или короткое фырканье так далеки от гармонии, от прекрасных мелодий, которые доносятся до меня из различных отсеков моих палуб...

Как невыразимо болит сердце, - повторил Викинг.

— Но ты ведь можешь слышать, ты способен слушать! - отреагировало Море. - Разве этого мало? Слушать и воспринимать...

— Мне всегда хочется подпевать Людям, - не успокаивался Корабль, - смотреть и слушать тоже хорошо, но это всегда со стороны, откуда-то сбоку... - Он помолчал немного и продолжил:

— Люди ведут себя удивительно и подчас совершенно непредсказуемо. Вчера рано утром, встречая рассвет, на открытой палубе восьмого

этажа стояли три женщины и пели, глядя на тебя, Море, и любуясь тобой.

Все три голоса звучали по-разному: один был высокий и прозрачный, как колокольчик (у нашего капитана есть такой в капитанской рубке); два других более низких - один грудной, нежный как морская вода в штиль; другой - порезче, позвонче, но не менее берущий за душу.

Такие противоположные голоса, но сливались они в небывалую гармонию, от которой ныло сердце и наворачивались слезы. Звучал настоящий гимн Красоте, этому чудному рассвету и зарождению нового Дня, твоему Морскому простору и тому необыкновенному ощущению, что у Людей зовется Жизнью...

Другие Люди останавливались и слушали, и никто не хотел уходить.

А пение лилось в твое открытое пространство, Море, разливалось по палубе, - и эти три певуни были такие красивые в наброшенных на их плечи светлых шаях, лица их — такие одухотворенные, что казалось, поют не они, а все вокруг звучит и торжествует, а им остается лишь подпевать, влетая свои голоса в некую надводную мировую гармонию...

— Мировая гармония, хоровая гармония, - вдруг немного иронично отозвалось Море, - Ты настоящий поэт, но может быть не стоит все и всегда так идеализировать?...

— Да, мой дорогой Друг, ты прав, как обычно. Плесни на меня холодной водой, остуди мой пыл...

Я не могу подпевать людям, когда поют они и когда поет моя душа. Я не могу помогать людям, когда они плачут. А это случается с ними не так уж редко в тиши моих кают.

Я не могу... Я многого не могу, мой Друг, и от того чувствую себя страшно одиноким.

Я как белая снежная глыба рассекаю Твои воды и ни к кому не могу примкнуть: всегда в плавании, всегда в пути, всегда один, один и тот же... И это несмотря на то, что я большой и красивый, и меня видно издалека! Большой одинокий скиталец...

— Ах, ты чудо мое Корабельное! - укоризненно, но с улыбкой в голосе, произнесло Море. А как же я? Разве можно чувствовать себя одиноким рядом с Другом?

— Как хорошо, что Ты есть, Море! - восторженно вдруг Викинг, словно очнувшись от своей грустной песни. - Без тебя я скорей всего

умер бы от тоски! - горячо произнес он.

Море заботливо поплескало волной о Корабль, дружески приласкав его. Еще произнесло какие-то мягкие утешительные слова и потом надолго замолчало, погрузившись в свои глубинные подводные думы.

Мама и Кирилл

Мой сын вышел вчера из школы огорченным. Не ответил на какой-то вопрос по природоведению, получил удовлетворительную оценку. А он стремится по всем предметам, которые так или иначе касаются профессии его отца и связаны с жизнью природы и ее обитателей, иметь самый высокий балл. Надо было срочно что-то предпринимать, чтобы мой изобретатель совсем не скис.

— Мы можем прогуляться по берегу моря и обсудить предстоящую поездку на Викинге,- предложила я Кириллу. - Ведь у тебя скоро каникулы, целая неделя!

Наша семья все планирует заранее, поэтому нам легко, когда событие уже наступает: не надо ничего срочно решать или от чего-то отказываться, наоборот — все уже подготовлено.

В предстоящем двухдневном круизе Хельсинки-Стокгольм-Хельсинки — увлекательнейшем мероприятии, в котором хоть раз в жизни, но побывал абсолютно каждый финн, - все мы -Миша, Кирюша и я — постараемся понять, что мы получаем от близкого общения с морем. Можно сформулировать это и так: «человек и стихия, кто у кого в долгу?»

На самом деле это не моя формулировка, а тема сочинения по литературе в третьем классе у моего сына. Вот мы и пытаемся с отцом развивать эту тему при каждом удобном случае в наших разговорах с Кириллом.

Кирюша шел рядом со мной, смотрел на волны и все еще молчал. Он не умеет быстро отходить от неприятности, а долго прокручивает ее в голове. Его самолюбивый нрав, желание всегда отстаивать свою точку зрения — это папины черты, весь в папу!

Помню, как Миша еще в Калининграде на одном собрании вещал со сцены: «Наша планета задыхается от мусора! Его объемы постоянно увеличиваются, и если это игнорировать, нас всех ждет катастрофа.» Так он убеждал сотрудников из природоохранных организаций, студентов биологических и экологических специальностей выйти на уборку мусора на наши калининградские пляжи и в леса.

Мусор — это еще один пункт моего благоверного. После всех его

«очистительных» компаний с пляжей и из других мест увозили по несколько грузовиков мусора! Даже сами люди не ожидали такого количества...

Здесь, в Финляндии, уборка мусора приведена в стройную систему. Миша разобрался довольно быстро, а мы с Кириллом долго учились правильно сортировать отходы, перед выбросом, например, мыть бутылки, и не путать контейнеры, каждый из которых предназначен строго для определенного вида мусора.

Уже здесь, в Хельсинки, Миша как-то выступал в школе, где учится Кирилл, и рассказывал о различных технологиях, позволяющих перерабатывать отходы во вторичное сырье.

Например, картон, бумагу, некоторые виды пластика, стекло можно использовать повторно, а другие виды мусора нужно сжигать и получать тепловую энергию.

И вот, именно для этого, чтобы процесс переработки мусора во вторичное сырье или тепловую энергию был эффективным, весь этот мусор необходимо сортировать по категориям. А некоторые отходы повторно использовать нельзя (как, например, батарейки) из-за наличия в них вредных веществ, поэтому их отправляют на захоронение в специально отведенные места.

Вот такие премудрости осваивали мы все вместе, но, конечно, без Миши нам с Кирюшкой до всего бы самим не додуматься!

Кирилл шел рядом со мной, но мыслями витал где-то далеко-далеко.

— Посмотри, - вдруг вырвалось у меня, - Море смеется!

Луч солнца упал на воду и заполнил скобку, которую выдавливали плывущие по заливу лебеди. Они плыли не ровно, а какими-то зигзагами, время от времени запуская в воду длинные, тоже зигзагообразные белоснежные шеи.

Скобка на воде напомнила мне рот, растянутый в улыбке. А солнце вернуло радость.

— Не печалься, Кирюша, исправишь ты свою оценку по природоведению, это беда не беда. А сейчас посмотри лучше, как все обрадовалось солнечному свету, этой капле тепла.

— Всем вспомнилось лето! - поддержал тему Кирилл. - Ведь уже кончается сентябрь... - и без перехода продолжил: — А почему ты думаешь, что море смеется? Не видишь, какие волны, да и ветер все усиливается! - Вот так мой сын умеет одновременно и поддержать тему разговора, и в то же время возразить и не согласиться с каким-то утверждением.

— По-моему, ему — морю- не до радости, - добавил он.

— А ты знаешь, что может радовать Море? - не сдавалась я.

— Это надо спросить у папы, он же у нас морской специалист, - как всегда лаконично и справедливо парировал мой отпрыск.

— Ну, одну из причин морской радости я уже узнала у твоего отца. Думаешь, он меня не посвящал в эту тематику? Вот, ни за что не угадаешь!

— И не буду гадать. Есть вещи, которые надо знать точно, только тогда и можно чему-то помочь или кого-то обрадовать, как, например, море... Ну, говори, мама, не тяни, пожалуйста!

— Шторм! Он очень радует море!

Кирилл округлил глаза. Не поверил. Но продолжал вопросительно смотреть, ждал продолжения.

— Представь себе сильный шторм. Что происходит? Волны накатывают одна на другую, все шумит и пенится. В это время слои воды перемешиваются, и глубинная вода обогащается кислородом. Море начинает дышать полной грудью и радоваться!

— Вот это да! Про пользу от шторма я никогда не слышал, - восхитился Кир и продолжил - а я от папы узнал другие факты. Например, выражаясь твоим языком, море может радоваться таким вещам как новому поколению тюленей, селедки, любой рыбы... Слышала?

— Конечно, - включилась я в тему и радуясь оживлению сына, - а также притоку соленой воды из океана, дождю, снегу...

— Солнцу и луне, - закончил смеясь Кирюша.

— Итак, - перешла я к более конкретным задачам, - что нам следует взять с собой в поездку на Викинг-Лайне?

— Мама, не в поездку, а в плавание, - поправил меня Кирилл, и наш разговор вошел в привычное русло и обсуждение насущных проблем.

От школьных неприятностей не осталось и следа.

МОРСКОЙ ШТОРМ

— ... Да-а, старик, плохи твои дела, коли на друзей начинаешь кидаться. Викинг такой молодой, такой романтик и идеалист. В чем он провинился перед тобой? -

Море не хотело допускать, но чувствовало, как что-то закипает у него в груди. Пока волнение было чисто поверхностным, только рябь иногда проходила по воде, и Балтик был еще в состоянии сдерживать себя.

— Хороший добрый Викинг, - болезненно прокручивалось одно и то же, - все-то у него в розовом свете, всех-то он приукрашивает, наде-

ляет несуществующими качествами. Ох, молодость-молодость! Со-
всем недавно ведь появился он на Воде, и каких-то пятьдесят лет пла-
вает туда-сюда, туда-сюда — от столицы до столицы, от берега до бере-
га. Что можно понять за такой отрезок, совсем ничего! -

Снова раздался глубокий Морской вздох. Ему не хотелось говорить
вслух, не хотелось обращаться к Кораблю, но мысленно он все же раз-
говаривал именно с ним, со своим лучшим закадычным Другом.

— Представь себе, Викинг, как в тело Человека попадает смерто-
носная пуля, пущенная рукой Врага... Она пробивает насквозь кожу,
проникает во внутренности и начинает там свою разрушительную ра-
боту... Или, подожди, пулю тебе представить трудно.

Приведу другой пример. Похожее разрушительное действие, толь-
ко гораздо более медленное, совершает с Человеком болезнь по имени
одного из самых мирных моих обитателей — Рак...

Тогда в организме Человека размножаются болезнетворные клетки
и поглощают всего Человека... Грустная картина, не правда ли?

Море не заметило само, как заговорило вслух. Сначала тихо, почти
шепотом, потом все громче и взволнованней.

Корабль прислушался, потом изумленно замер.

— Рак проползает и в мой организм, заражая всё и вся. Нефтяная
пленка затягивает Воду, солнечные лучи уже не могут проникать
внутри, принося Свет и Тепло. Начинается гибель: сначала зеленые,
красные, желтые цветы и растения; потом рыбки малые, затем
другая живность и покрупнее... - все гибнет, разрушается...

... Ты грустишь, мой Викинг, от собственного несовершенства. Ты
не поёшь, как Люди... Ты не можешь поплакать вместе с ними и тем
более утереть им слезы или успокоить их... Но ты, дорогой мой, сам по
себе не способен и на Зло! Знаешь, что это такое? Нет?

Зло — это всегда разрушение, это всегда боль.

Люди, наши с тобой любимые и загадочные Существа, имеют
способность приносить это самое з л о не только в свою Человеческую
жизнь, то есть друг другу, но и в Жизнь окружающего их Мира, ни в
чем перед ними неповинного и от которого в немалой степени сами же
они и зависят...

Волны ускорили свой бег, с шумом накатываясь одна на другую.
Что-то изнутри рвалось и трепало Море так, что оно все бурлило и пе-
нилось.

Кораблю слышался Морской стон.

Опять заныли все болячки, Морской организм испытывал неимо-
верное напряжение. Тучей надвинулись мрачные мысли.

– Я умираю. Почему сейчас, почему здесь... Ведь т о Время еще не пришло...

Снизу, из глубины поднималась и окутывала собой ноющая непрекращающаяся Боль. Она снова начинала трепать и будоражить Море.

Целый шквал волн поднимался высоко-высоко и падал на Корабль, пенисто струясь по его бокам . Судороги разрывали Воду, вздымая волны с новой силой и обрушивая их вниз подобно водопаду.

Они не просто бились о Корабль, а казалось, хотели разбиться на смерть, только бы не чувствовать это страдание.

Большой и белый Викинг подпрыгивал как мячик и казался себе маленьким и беспомощным. Он не на шутку встревожился за своего друга, искал и не находил способ помочь ему, перебирая в голове сотни вариантов.

– Подожди, Море, одну минуточку! - вдруг взмолился Корабль. - Я думаю и думаю и никак не могу поверить, что Люди способны намеренно причинить тебе боль и страдание. Ведь это абсурд! Разве можно сознательно мучать того, кто тебе помогает жить? Кто взирает на тебя с любовью? Кто наконец является сам источником не одной жизни в себе?.. Я не могу в это поверить... - повторил Викинг.

Море не отвечало. А небо неожиданно стало проясняться. Тучи сползали за горизонт, ветер стих, и вдруг воцарилась странная тишина. Волны еще катились, но тоже как-то бесшумно.

Шторм прекратился. Море прислушалось к себе. Боль ушла. Это случилось как-то внезапно. На душе стало легче, жаловаться уже не хотелось.

– Наверное, я еще многое должен тебе объяснить, дорогой мой Викинг! - тихо произнесло Море. - И про себя, и про людей, и про то, что мучаешь иногда больше всего тех, кого любишь и в ком нуждаешься. Но ведь где-то есть и выход из всего этого, где-то есть и спасение... Как ты думаешь, Друже?...

Викинг подставил свой белый бок под фонтанчик морских брызг, издал протяжный гудок куда-то вдаль и вдруг неожиданно стал набирать скорость. Всегда медленный и очень неторопливый Корабль мчался по волнам и внутри него звучала мелодия. Она и наполняла его силой и уверенностью, и приносила какую-то новую радость. Эта радость незаметно передалась и Морю...

Легко ли высказать свое мнение? Подопечные Кирилла...

Кирилл человек очень серьезный, хотя и не такой взрослый. Он не любит всякий сюсюканий, «телячьих» нежностей, поэтому на «Кирюшу» отзывается с меньшим удовольствием, чем на полноценное «Кирилл» или в крайнем случае «Кир», что звучит тоже весомо, пусть и кратко, и вполне по-мужски.

Он такой же светловолосый как отец, а глаза карие, мамины. Похож, естественно, на обоих, но сколько у них разногласий! Интересы всех членов семьи часто не совпадают, и по любому вопросу у каждого может быть свое мнение.

Конечно, такую свободу слова и мышления развил в Кире отец — молодой и даровитый ученый-эколог. Именно так часто называет его мама — «молодой и даровитый». Хотя какая уж там молодость — почти сорок лет!

Совсем недавно за обеденным столом Кирилл высказал свое мнение по поводу плова. И отцу, и маме плов показался очень вкусным. «А мне не вкусно», - признался сын.

Пришлось кое-что не совсем лицеприятное выслушать от отца. А то как же! «Мама старалась, пересматривала разные поварские книги, вычитывала новые рецепты по интернету в поисках неожиданного и аппетитного! Потом тратила время на магазин, на приготовление этого чуда-блюда, на красивую сервировку стола. Ей так хотелось увидеть довольные лица сына и мужа, а тут, пожалуйста, - не нравится!

Как-то это не великодушно, не по-мужски, даже если и правда — не нравится... А сын?»

Кирилл сдержанно кивнул, но слова отца запали в сердце. «Какой-то я слишком прямолинейный, - подумал он, - действительно, зачем маму обидел!»

Он вспомнил, как в детстве, лет в пять-шесть, ему нравилось делать своими руками маленькие лодочки. Он мастерил их из дерева, глины, фольги, но что-то не получалось, и они всегда тонули в море. Маленький Кирюша бежал к маме и жаловался, а она ласково говорила ему примерно такие слова: «Сынок, милый, не всегда получается все сразу. Помнишь, когда ты был малышом, ты не мог говорить, - а теперь говоришь очень хорошо. Пытался встать на ножки и тут же падал, помнишь? А теперь ходишь и даже быстро бегаешь... И так в жизни все. Думаю, что лодка, которая не тонет, у тебя обязательно получится! Всему свое время...»

Кирилл любил своих родителей и не хотел их обижать. Но как же тогда высказывать собственное мнение, оно же может быть совершенно отличным от родительского, и что делать?

Кир любил думать на ходу, движение помогало не замыкать мысль в узком пространстве, а наоборот давать ей простор. Он часто совершал один и тот же маршрут от дома, через лесную рощицу, к берегу моря. Его

так же, как и отца, манила к себе эта удивительная вилла Эльфвик с ее природными «косилками» -коровами, с утками и гусями, с тем необыкновенным обзором, который открывался на море из этого места.

Эта обстановка, как нельзя лучше, помогала Кириллу детально обдумывать свое новое изобретение. Корабль-пылесос! Кто не понимает важности такого устройства, может, конечно, посмеяться — его право, пожалуйста! А вот представить себе, что корабль плавает по морю, замечает с помощью специальных устройств мусор и всякий беспорядок на воде, а потом, как настоящий пылесос, все собирает и очищает водное пространство от разливов той же нефти или других загрязнений, - это потрудней будет! И уже не до смеха...

В этот раз Кирилл так и не дошел до своей любимойвиллы Эльфвик, а задержался на полпути, потому что на глаза ему опять попала странная парочка. Он уже не раз замечал эту парочку в этой роще за одним и тем же занятием. Сероухий и очень крупный заяц обгладывал кору дикой яблони, а в ее ветвях сидела рыжая белка и увлеченно лакомилась крохотными яблочками. Парочка была настолько поглощена вкушением пищи, что как в прошлый раз, так и в этот, никого не замечала и ни на секунду не отвлекалась от своего занятия.

Когда Кирилл еще несколько дней назад рассказал об этой встрече отцу, у того сразу была своя реакция на это событие. «Пора строить кормушки на зиму, подкармливать голодающих...» - объявил он. Ну, правильно, как же еще может отреагировать настоящий биолог и эколог? Всегда действием и всегда полезным и милосердным!

Кир тогда обрадовался — заяц и белка ему очень понравились, и их было немного жалко,- но и в то же время задумался: разве смогут одновременно заяц и белка питаться из одной и той же кормушки? Тут надо что-то придумать, сконструировать что-нибудь новенькое: например, кормушку с двумя или несколькими входами-выходами по обе стороны, чтобы никто друг другу не мешал.

Кирилл постоял немного, разглядывая старых знакомых и вновь прикидывая кормушку «нового типа», а потом заметил подберезовик около высокой белоствольной красавицы, которая росла прямо напротив дикой яблони. Потом ему показалось, что он видит еще один гриб. Так от одного гриба к другому, - а потом пошли вообще целые грибные семейства, - Кир забыл обо всем на свете, никуда больше идти не захотел, в нем проснулся азарт грибника, он стал собирать крепеньких лесных красавцев и всю прогулку посвятил этому захватывающему занятию!

Миша и сын или подслушанный разговор

Море сияло и отражало все солнечные лучи, которые падали и застревали в его пенистых барашках. Ветра почти не было, но легкое дуновение тем не менее создавало это движение на воде, а солнце подогревало и улучшало настроение.

Море сегодня было разнеженным и умиротворенным, потому что стало невольным свидетелем замечательного разговора отца и сына, за которыми, надо сказать, оно давно и с интересом наблюдало. Правда, никогда не позволяло себе вслушиваться в их разговоры. А тут вдруг засмотрелось и залюбовалось маленьким существом с развевающимися на ветру желто-русскими волосами, бурной жестикуляцией и звонким голосом.

— Папа, - говорил Кир (а это был именно он и его отец Миша), - Морской пылесос не должен пропустить ни одно загрязнение на воде. Его поисковая система будет улавливать каждый вид такого нарушения и подавать соответствующий сигнал!

— Это хорошо, - отвечал Миша, - но ты не учиываешь очень важный фактор. Фактор погоды! В плохую и хорошую, то есть в бурю или в штиль, зимой и летом, Море ведет и чувствует себя по-разному, а значит и реагирует тоже неодинаково...

— И что это означает? - погрузневшим голосом поинтересовался Кирилл.

— А это означает, что бедственные сигналы, посылаемые Морем твоей «умной» машине, тоже будут разными, хотя причина может быть одной и той же, что летом-что зимой.

— Приведи мне, пожалуйста, пример, папа? А то я не совсем все понял!

Вот здесь у Моря словно выросли уши, и всё оно погрузилось в разговор двух людей: взрослого синеглазого очень серьезного — и юного, взволнованного, более быстро и звонко произносящего слова. Но поглядеть на этих двоих и не вооруженным глазом можно обнаружить их несомненное сходство друг с другом: и светлыми, отдающими золотом в солнечных лучах, волосами; и формой носа, и манерой спорить, загибая пальцы правой руки при перечислении своих веских аргументов, и многими другими вещами.

— Попробую привести тебе пример с нефтью, самым неприятным(для

нас, людей) видом загрязнения. Ты уже знаешь, что сейчас за год добывается из моря и перевозится по нему более двух миллиардов тонн нефти. Из этого количества в море во всем мире попадает примерно полтора миллиона тонн.

Представь себе, что это только двадцать шесть процентов той нефти, которая в сумме попадает за год в море. Остальная нефть, примерно три четверти общего загрязнения, поступает с судов-сухогрузов, транспортных кораблей, а больше всего — из городов, особенно с предприятий, расположенных на побережье или на реках, впадающих в море...

— Папа, ты увлекся общими рассуждениями и совсем забыл о главной теме. Речь ведь идет о м о е й м а ш и н е !

— Сейчас, Кирюша, не торопи меня. Важно понять процессы, которые происходят, тогда можно прогнозировать и поведение твоего морского пылесоса. А понять эти процессы очень трудно, так как судьбу нефти, попавшей в море, невозможно описать во всех подробностях.

— Почему?

— Ну, потому что, во-первых, минеральные масла, попадающие в море, имеют разный состав и разные свойства. Во-вторых, мы как раз подходим к тому, с чего начали. Что влияет на реакцию моря при различных погодных условиях? Например, эту реакцию видоизменяет ветер различной силы и направлений, а также волны — более интенсивные или менее; не говоря уже о температуре воздуха и воды.

— А что лучше для моря, папа, сильный ветер или слабый?

— Конечно, сильный. Шторм способствует образованию эмульсии нефти в воде и воды в нефти. При этом сплошной ковер нефти разрывается, нефть растворяется и исчезает с поверхности моря...А уж с мелкими капельками нефти легче справиться.

— И Море перестает страдать?

— Конечно, сынок, ему становится легче... А если бы еще «срабатывала» твоя умная машина — было бы совсем хорошо! Ну, не будем унывать, а наоборот постараемся приложить все усилия, чтобы облегчить жизнь нашему другу и ближайшему соседу — Балт Балтычу, как ты думаешь?

— Мне его так жалко, папа! Я бы все сделал, что смог, только бы оно не страдало!

Море сладко зажмурилось. Как хорошо! Как много можно изменить простыми словами, обычным сочувствием. Опять жить захотелось.

Вперед, вперед, чтобы волны неслись навстречу горизонту, чтобы ветер ласкал их гребешки и пробирал до костей; чтобы вольно было

дышать и радостно чувствовать!

Где мой Викинг? Я должен ему все рассказать, обо всем поведать... Об этом чудесном мальчике и его отце, об их благородстве и их таланте... И еще о том, что семья скоро поплывет на Викинге, и мой друг сам увидит этих замечательных Людей...

Ночной диалог у Аландских островов

Ночь незаметно спустилась на скандинавскую землю. Этот переход от светлого времени к сумеркам, а затем и ко все большему сгущению темных тонов — почти не различим поначалу, но становится весьма и весьма ощутимым, когда эти темные краски начинают набирать силу, расползаются и быстро подчиняют себе все вокруг.

Вот маленький садик с деревьями и цветочной клумбой только что просматривался всеми своими очертаниями, и — бах — провалился в темноту, как в черную дыру. А вон прекрасное здание классических архитектурных форм, на котором была различима каждая деталь, каждый изгиб и выступ, — и такой же исход, и такое же погружение словно в небытие... Зачем Ночь?

... Большой белый Корабль подплывал к Аландским островам — месту удивительному и таинственному. Эта небольшая островная территория будто одинокая планета жила сама по себе. Не случайно находилась она почти на середине пути между двумя скандинавскими столицами — Хельсинки и Стокгольмом — и носила отпечаток их обеих, а именно: будучи финской территорией говорила тем не менее на шведском языке... А вокруг одно лишь Море... И ночь...

— Вот стою у берега, смотрю на остров и не понимаю, что со мной творится. Слышишь, Море? Моя душа так и звенит, так и трепещет...

— Слышу, друже, слышу, мой дорогой Викинг, сегодня я особенно хорошо тебя слышу...

— Так на меня действует тишина... Ведь у нее есть свой мотив, и он часто не дает спать мне по ночам. Как сегодня! Опять этот странный мотив тишины звучит во мне. Что это?

— Похоже это ночь, у которой свое Время. У дневного Времени свои звуки и свой мотив. У ночного — свои звуки, включая тишину, и соответственно свой мотив.

— С тишиной утекает ночное Время. Куда оно течет?

— Невыразимое трудно выразить, мой славный Викинг, оно вроде

бы здесь, на поверхности, близко, как ты, к которому можно прикоснуться... И в то же время там, в глубине, далеко — не достичь и мысленным взором...

— Ты говоришь о тайне, Море. Тайна всегда невыразима... Жизнь, Время, Тишина - что может быть еще таинственней?

— Еще? Наверное, Люди... Наши с тобой любимые существа! Я как раз собирался рассказать тебе про мальчика...

— Про мальчика? Хорошо. Много мальчиков бегают по моим палубам. Мальчики — это маленькие люди — дети. Я знаю. Мне нравится наблюдать за ними.

— И что же ты, Викинг, видишь?

— Дети очень любят играть и резвиться, словно стайки твоих рыбешек в погожую погоду. Шуму тогда бывает очень много, я даже устаю чуть-чуть. Но дети, оказывается, тоже все разные. Одни веселые, открытые и готовы делиться с другими детьми своими игрушками и сладостями. Другие драчуны и забияки наоборот отнимают чужие игрушки и сладости. А есть дети очень одинокие: они ходят за руку со своими большими людьми, называя их мамами и папами, и видно, как они страдают без веселых игр и других забав вместе с остальными детьми — своими ровесниками.

Ты не поверишь, Море, я слышал собственными ушами, как один мальчик, увидев чайку на палубе, подбежал к ней и попросил ее громко-громко: «Чайка, давай с тобой поиграем!» - и хотел уже ее погладить по белой головке. Но чайка была не в настроении играть, она хотела есть и ждала, когда люди после ужина вынесут ей что-нибудь вкусненькое. Поэтому она только фыркнула и отлетела в сторону. Мальчик же очень огорчился.

Ты не представляешь, как мне было жаль этого мальчика! Но ты меня знаешь, у меня глаза вечно на мокром месте... А о каком-то мальчике собирался поведать мне ты, дорогой Балтыч?

— О мальчике с карими, совсем неморскими глазами и звонким-звонким голосом. Видишь, Викинг, я уже заговорил твоим романтическим языком... С кем поведешься, короче... Этот мальчик поразил меня в самое сердце.

— Что же он мог сказать и чем поразить тебя, Море — такое Необъятное и такое Невозмутимое?

— Он сказал, что хочет меня спасти! Излечить все мои болезни, очистить все мои раны. Ты понимаешь?! Маленький Мальчик хочет спасти бескрайнее Море... Он изобретатель. Он строит умную очистительную машину. Эта машина придет мне на помощь. Как хорошо!

— Я уже люблю твоего мальчика, Море!

— Я тоже люблю его. Мне стало так весело, так хорошо после его слов! Он объяснял своему отцу — у которого синие, самые настоящие морские глаза, - как будет устроен его необыкновенный лечебный аппарат... Мальчик смотрел на меня и показывал рукой, как быстро будет двигаться его машина по моим волнам, какие чудесные действия она будет производить в моих водах! А мне оставалось вбирать каждое его слово и радоваться, радоваться, радоваться...

— Кажется, мы с тобой, Море, прикоснулись еще к одной Тайне. Как бы ее поточнее назвать? Тайна Человеческой души — так, наверно! Я ужасно рад и, кажется, я опять весь в слезах... Послушай, Балтыч, а смогу ли я увидеть твоего мальчика?

— Да-да! Ты увидишь всю семью. Скоро они все поплывут из столицы в столицу, и будут ходить по твоим ярким палубам, Друже, спать в твоей мягкой каюте, слушать твои любимые мелодии. А, Ты — мой лучший друг и собеседник, - знай, что я всегда делюсь с тобой самым дорогим!

— И во мне всегда звучит музыка твоих Волн, дорогое мое Море, меня насквозь пробирает шелест и плеск Воды, а твой бесконечный и ослепительный Простор навсегда пленил мое сердце. Это моя музыка Жизни, дорогой друг!..

Я счастлив за тебя и с волнением и трепетом жду встречи с семьей и твоим необыкновенным мальчиком!..

Критика и публицистика

Марина Крошнева

Кандидат филологических наук, доцент Ульяновского Государственного технического университета.

ВАЛААМСКАЯ ОБИТЕЛЬ

Паломничество на Валаам

Есть на земле места, словно созданные для прославления величия Творца. Есть места, символизирующие первозданную гармонию бытия и духа.
На Руси одним из таких мест был и остается Валаам.

На небольшом катере Валаамской обители мы отплываем от сортавальских¹ берегов, и перед нами простирается хмурое осеннее Ладожское озеро. Раньше город Сортавала принадлежал Финляндии, ныне – это провинциальный карельский городок. Близкие берега открывают особое видение окружающего: гармонию существования человека и природы. По берегам Ладоги, на некотором расстоянии друг от друга, растянулись крошечные деревянные избы. Около каждой, как единое продолжение северного деревенского колорита, – спуск к воде. Это не столько место для ловли рыбы и причаливания лодок, сколько источник жизни.

Небольшие волны накатываются на берег. Потревоженная вода сообщает о вторжении в мир покоя, удаленного от цивилизации. Здесь тонко чувствуешь закон природы: жизнь каждого листочка на золотых, одиноко стоящих, тонких березах; осенний холод скал, покрытых мхом.

Отправляемся в глубь Нево, так называли озеро раньше наши предки. Цель путешествия – Валаамский архипелаг. Мы плывем к нему, гонимые северными ветрами, под морозящим дождем, взбудораженные скорой

---

¹ Город Сортавала основан в 1783 г. До 1918 г. назывался Сердоболь. В настоящее время это административный центр Сортавальского района Республики Карелия. Входит в перечень исторических городов России.

встречей со святой обителью.

О, дивный остров Валаам!
 Рука Божественной судьбы
 Воздвигла здесь обитель рая,
 Обитель высшей чистоты.

Взыграйте воды Валаама,
 Хвалите Господа с небес,
 Несется благовест из храма,
 Наш Валаам опять воскрес.

Не даром колокол Воскресный
 Из всех один достался нам.
 Да будет в мире всем известно,
 Что жив великий Валаам.

Такими безыскусными, но самыми искренними словами монастырского гимна воспевают Валаамскую обитель ее иноки. За этими строками стоит глубокая духовная правда: осознание того, что благословенный Валаам – возвышенный и в то же время земной прообраз райского бытия.

Недаром на протяжении долгого времени здесь сохраняется предание о возникновении монастыря во времена Крещения Руси. Когда еще на острове жили язычники, поклонявшиеся богу Ваалу, первый из учеников Христовых – апостол Андрей – достиг севера и разрушил капища язычников. На острове он воздвигнул каменный крест и обратил народ в христианскую веру. В то время святой предсказал великое будущее этих мест.

Известно, что из Валаамского братства вышли знаменитые подвижники и основатели многих монастырей на Руси: преподобный Александр Свирский, Арсений Коневский, Савватий Соловецкий и другие.

Первым встречает нас Никольский скит, издалека видна его зеленая башенка. Скалистые берега, покрытые мхом; будто ниоткуда растущие высоченные сосны; поклонные кресты, часовни, – все в один миг предстает нашему взору. Вскоре достигаем Монастырской бухты.

Из общения с бывавшими здесь ранее паломниками узнаешь, что Валаам – самый крупный и древнейший остров Ладоги, на котором образовался свой микроклимат. Озеро медленно нагревается весной и также медленно остывает осенью. Поэтому времена года приходят в этот край намного позже обычного. Благодаря необычному климату для северных широт, здесь монахи активно выращивают арбузы и виноград!

Наивысшего расцвета мужской монастырь достиг в середине XIX века, когда им руководил игумен Дамаскин. С большим успехом иноки работали на небольших заводах – смоляном, кожевенном, кирпичном, свечном. У них имелась хорошая ферма. Александр I всегда останавливался в царских

кельях внешнего каре¹, расположенных справа от надвратной церкви². В царствование Императора Николая II обители был явлен чудотворный образ Валаамской Божьей Матери.

Немало трагических событий пережил Валаамский мужской монастырь за девять веков своего существования. Во время финской и Великой Отечественной войн постройки сильно пострадали от бомбежек, но сам храм и святыни чудом уцелели. Братия смогла вывести в Финляндию и сохранить ризницу, библиотеку и архив.

Сердце рвется поведать о главной святыне православной обители – величественном Спасо-Преображенском соборе. Огромный восторг умиления овладевает нами, когда мы видим, как высокие бирюзовые купола храма сливаются с небом, устремляясь далеко, к Богу. В нижнем храме собора покоятся мощи святых патронов, основателей монастыря, Сергия и Германа, новопрославленного преподобного Антипы Валаамского.

Во время паломничества многим интересно было узнать, что в конце восьмидесятых, после полувекового перерыва на острове вновь возродилась духовная жизнь. В 1992 году Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II (†) торжественно перенес сохранившийся список с чудотворной иконы Божьей Матери из Санкт-Петербурга на Валаам.

Сегодня на Валааме возобновляется жизнь в скитах (Всесвятском, Никольском). До революции на Валааме было тринадцать скитов. Смысл такой затворнической жизни заключается в строгом, уединенном жителстве опытных иноков ради большего духовного совершенствования. Например, в скиту Всех Святых сейчас проживает около десяти послушников.

Наслаждаясь тихими прогулками по лесу, начинаешь осознавать, почему первозданная красота и покой здешних мест оставляют незабываемые впечатления в душе многочисленных паломников. Благодаря посещению Валаама, рождались лучшие художественные реалистические полотна художников-пейзажистов И. Шишкина, А. Куинджи, А. Гине, П. Дюжина. Высшая духовная чистота открывала новые возможности реализации творческого потенциала многих русских поэтов, писателей, деятелей искусства: Ф. Тютчева, А. Апухтина, А. Муравьева, В. Немировича-Данченко, Н. Лескова, И. Шмелева, Б. Зайцева, И. Савина и многих других.

Уплывая на материк, каждый из нас уносил частицу своего Валаама и понимал, что эти лучшие минуты его жизни были направлены на постижение тихой радости и тайны бытия.

¹ Каре – ряд келейных монастырских корпусов, которые окружают собор с четырех сторон.

² Надвратная церковь, т.е. церковь, расположенная над воротами во внешнем ряду келейных корпусов.

Святой Валаам в творчестве поэта русского зарубежья Ивана Савина

К возможности постижения Валаама прикоснулся и Иван Савин (1899–1927), представитель русской диаспоры в Финляндии, покинувший пределы малой украинской родины в годы гражданской войны. На святой Валаамской земле Савин был единожды. Впечатления поэта от знакомства с этими местами отразились в его путевых очерках «Валаам – святой остров» и «Валаамские скиты».

Немного захватывая историю бытования культурной традиции паломничества¹ в России, отметим, что уже с XVI столетия по всей средневековой Руси существовали свои священные уголки. Примерно, с этого времени берут начало многочисленные паломнические путешествия. Русские люди, крестьяне, дворянство, интеллигенция стремились обрести горячую спасительную веру, исцелиться от недугов, соединиться с Богом. Святые земли притягивали к себе простых смертных и необычных туристов – великих писателей, ученых, художников и музыкантов. Они шли в Серафимо-Дивеевский, Соловецкий, Серпуховский монастыри, Оптину пустынь, на Валаам. Ими двигало желание посетить и многочисленные зарубежные заповедные места: Афон, гору Синай, Марсово поле, реку Иордан. Практически до 1905–1907 гг. паломничество в России и за ее пределы было очень распространенным явлением.

В разное время в самом сердце Ладоги, на Валаамских островах, побывали Ф. Тютчев, Д. Менделеев, Н. Лесков, П. Чайковский, Н. Шишкин, А. Куинджи, И. Брянчанинов, А. Муравьев, И. Шмелев, Б. Зайцев. Русских мыслителей влекло религиозное чувство – сущностная черта национального характера – жажда художественного познания особого мира. Прикосновение к миру религиозного чуда Валаама рождало в душе творческой интеллигенции лучшие художественные намерения, способствовало созданию «религиозных шедевров» с почти одинаковыми названиями: «Валаам» Муравьева, «Монашеские острова на Ладожском озере» Леско-

¹ Известно, что христианская традиция паломничества уходит своими корнями в далекое прошлое. В IV столетии византийская царица Елена совершила путешествие из Константинополя в Иерусалим и Палестину, где молилась и восстанавливала погранные, забытые святыни; там же ею был обретен Крест, на котором распяли Христа.

ва, «Старый Валаам» Шмелева, «Валаам» Зайцева.

Путевые зарисовки Ивана Савина о Валааме начинаются с описания природы острова. Завораживающая красота, величие Севера поражают автора умиротворенностью и святостью. «Косые лучи осеннего солнца скользят по воде, разламываясь на золотые лучики в паровой пене. Ладожское озеро кажется огромным голубым диском», – такое первоначальное впечатление от посещения святых мест дается Савиным в очерке «Валаам – святой остров».

Писатель с первых строк вводит читателя в особое духовно-географическое, сакрализованное пространство и определяет его близостью неба и легким дыханием. «Величественная дикость природы, отдаленный гул Ладоги, невозмутимое спокойствие огромных сосен, скалы, скалы, скалы... Далеко монастырь. Ближе небо. Легко дышится здесь, и молиться легко...» («Валаамские скиты»). Дальнейшее созерцание природы Валаама перерастает у писателя в гимн божественной красоте этого места: «Какая красота на земле Твоей, Господи!.. Еле колышутся миллионы игл на сосновых ветках ... Вздрагивают золотые, совсем шелковые стружки на стволах прямых, как дороги к Богу, сосен».

На островах Савин проникся неземным миром и жизнью валаамских отшельников. На островах он познакомился с монахами и вступал с ними в разговоры. Писатель общался с о. Ефремом, настоятелем Ковенского скита. Известно, что священник славился подвижнической жизнью и просветленной верой. В многочисленных беседах с прихожанами инок стремился вкладывать в души исповедующихся правильное понимание христианской веры и жизни. Думается, Савин многое почерпнул для себя в результате созерцания внутренней, духовной красоты монаха.

Из очерка эмигранта мы узнаем о славном прошлом о. Ефрема, о том, что он долгое время был духовным наставником Великого Князя Николая Николаевича, принимал участие в военных действиях. Об о. Ефреме Савин писал, что монах «воевал на фронте, шел с крестом впереди войска».

Подчеркнутое описание одежды руководителя скита свидетельствует о знании Савиным духовной обрядовой православной культуры. Он пишет, что настоятель был одет в «схимническую скуфью с белым крестом, такие же кресты и тексты из Святого Писания на рясе».

В диалоге очеркиста и духовного наставника обнажились глубокие пласты понимания сути христианства: наделение духовным зрением и даром вечной жизни. «В бедной келье его вместо кровати – черный гроб с выжженным на крышке скелетом. – "А вам не жутко спать здесь?" – вырвалось у меня.

Улыбнулся отец Ефрем: – "Почему же жутко? Смерть – радость! Уме-

рев, я увижу Христа"»).

В этом диалоге перед нами два типа человека – монах и мирянин, каждый из которых может жить по законам своих миров, горнего и земного. Здесь авторские переживания носят характер объективной данности. Совершенно естественно, что у автора очерков возник вопрос о бытовой стороне жизни инока. С другой стороны, монашеский образ жизни отклоняет помыслы о земных желаниях. Он представляет собою *другое*, духовное измерение, *опытное восприятие бытия*. Жизнь пустынных отшельников заключается в стремлении преодолеть истинное страдание путем смирения, духовного труда, умной молитвы, сосредоточения на любви к Богу. «Духовная жизнь не в том состоит, чтобы видеть свои исправления, а в том, чтобы зреть свои согрешения», – так наставлял оптинский старец Макарий.

Савин, в меру возможностей, прикасается к миру иноков, открывает читателю бытийную сторону Церкви. Он доводит до мирского человека мысль о подвиге Церкви. Жизнь в монастыре состоит в стремлении к абсолютной духовной свободе, исключению из своей жизни всего, что может встать между Богом и человеком. По определению Никиты Струве, видного представителя русской диаспоры во Франции, «монашество есть в первую очередь свидетельство реальности духовной сферы бытия». Если бы духовное бытие было призрачным, монах был бы самым обездоленным, несчастным и бесплодным человеком. Гармония, тишина сопровождают молитвенный подвиг и распространяются на материальный мир, на творчество, которое зарождается в монастыре. Иночество удостоверяет существование горнего мира. В преображенной степени духовному подвижнику возвращается постижение, познание, обладание, достижение.

В очерках Савин воссоздает разговор с иноком, из которого узнаем, что в будущей встрече о. Ефрема с Христом состоится переход к вечной жизни. Воскресение мертвых подвластно всемогуществу Бога. «Гленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему облечься в бессмертие» (Кор 15:53).

Монах верит, что он спасется. «Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся» (Мат 5:6). О. Ефрем старается донести эту же мысль до гостя, однако дальнейшего разговора не получается. Автор способен «только слушать и запоминать».

Савин свидетельствовал не только о духовном иноческом труде, но и физическом усердии подвижников. Труд в православной этике составляет безусловную добродетель. Валаамские монахи много трудятся, работа в трапезной, монастырских гостиницах и садах представляется для них основой земного бытия. «Посредством честного добросовестного труда человек приближается к Богу, выполняя возложенное Им послушание

и преодолевая свою греховную сущность».

Савин переживает за судьбу Валаама, православного мужского монастыря, «заброшенного в вековую глушь в Финляндии», за пустующие комнаты богомольцев, за гонения на «старостильников». В очерках автор затронул болезненную для валаамских иноков тему волнений из-за введения нового стиля. В 1921 г. обитель попала в ведение Финляндской Православной Церкви и вынуждена была, несмотря на многочисленные протесты, согласиться с новыми порядками. Святое братство раскололось на два лагеря. Тридцать «старостильников» были насильно при помощи полиции выселены с земли. Известно, что среди них были старцы, убеленные сединами, прожившие в Спасо-Преображенском монастыре по двадцать–тридцать лет, и снискавшие славу иеромонахи с наперсными крестами. Внутренний разрыв и внешнее вмешательство в жизнь православного мира не сломили духовного подвига их обитателей. Иноки твердо стоят на своей вере. Савин передал страстный ответ монаха: «Пусть гонят! Основоположники Валаамские и мы сами пришли сюда в монастырь не остров и его богатства спасать, а душу свою спасти...».

Спасение неразрывно связано с процессом духовного обновления. Святость христианской обители, внутреннее совершенство ее насельников, во всем присутствие Духа Божьего вызывают острую потребность нравственного сосредоточения на себе, поиска религиозной истины.

Зарисовки раскрывают основные вехи истории монастыря. Изображение пребывания на острове развивается в произведениях не только духовно и территориально (передвигаясь от скита к скиту), но исторически – в глубину русского православного быта и памяти. Время прошедшее и настоящее не противопоставляются, а органически дополняют друг друга: что «было» много веков назад входит в «есть» и «теперь».

В возвышенном лирическом описании эмигрант-путешественник представляет читателю Спасо-Преображенский собор. Из очерка «Валаам – святой остров» мы узнаем, что главный храм стоит на останках часовни «афонских схимников». В 992 г. «святые патроны» Сергей и Герман прибыли на остров и «построили белый город церквей, часовен, скитов». Савин сравнивает православный монастырь с градом Китежем и признает в нем «последний оплот <...> славных воинов молитвы и отречения». Вероятно, святые острова в Ладожском озере представляли для эмигранта христианскую защиту и опору русского зарубежья в Финляндии.

Автор пишет об игумене Дамаскине. В XVIII в. великий подвижник благочестия возвел белые стены ограды монастыря, украсил церкви образами лучших иконописцев. Недалеко от внешнего кара и келейных монастырских построек было отведено место под кладбище. На нем покоятся останки Магнуса Эриксона, героя шведских саг средних веков, святителя

Николая Молчальника. Из очерков мы узнаем о музее-библиотеке, содержащей различные реликвии: вещи святых, великих князей, царей и императоров, церковную утварь «всех веков».

Выбранный повествовательный стиль и поэтичность языка Савина способствуют выделению главной мысли произведений – сохранение высокого предназначения монастыря, утверждение монашеского подвига в тяжелое для России время.

Существующая константа Валаама как символа сакрального пространства осмыслена писателем и введена в общий тон повествований русских писателей о монастырях. В то время, когда в России происходили многочисленные гонения на церковнослужителей, пропагандировалось разграбление, уничтожение православных святынь и храмов, в эмигрантской зарубежной прессе Савин смело заявлял о традициях христианской жизни, труде и горении монахов.

Поездка на Валаам имела для писателя особую ценность в становлении и определении его как христианина, гармоничной духовной личности. Очерки эмигранта свидетельствуют о стихийно-религиозном приобщении к миру Валаама: автор находился на переходной ступени от мифопоэтического восприятия святынь к познанию их духовного смысла.

Юмор и сатира

Соломон Кагна

Пародии

Сохранить ли изменения?
 Может, правда сохранить?

.....
 Может, где-нибудь всплывающее
 Вдруг покажется окно...

.....
 Сохранить ли изменения?
 Нет. Не надо сохранять.

Ольга Сульчинская
«Компьютерная лирика»
«Новый мир» 7/2010

Компьютерное рифмоплётство

Это просто наслажденье –
 На компьютере стучать.
 Здесь любое рифмоплётство
 Можно лирикой назвать.

Комп отнюдь не возражает,
 Он железный, без мозгов,
 И спокойно принимает
 Чепуху взамен стихов.

Сократить ли измененья?
 Может, лучше их убрать?
 Ерунды и так довольно...
 Нет. Не стану сокращать!

Тисну запросто в журнальчик.

Компу это всё равно.
Для крутого рифмоплётства
Всплыло новое окно.

* * *

Я б уходящим потеряла счёт,
Когда бы всех и каждого считала.
.....
Я почему-то не машу им вслед:
То нет платка, то нет руки свободной...

Инна Кабыш
Новый мир 11/ 2010

Вечная любовь

Любовь бывает вечной.
Только партнёры меняются.
Афоризм из интернета

Я не машу вслед уходящим,
Уж руки заняты другим.
Я улыбаюсь приходящим
И кайф ловлю с очередным.

Не помню даже я их лиц,
Мелькает быстро этот блиц!
Да мне ведь с лиц не воду пить,
Хоть сколько их могу сменить!

Антон Макуни

ВСУХУЮ!

(записки вратаря)

* * *

Сегодня наконец понял, как тяжело стоять на воротах. Посидел. Полежал. Снова посидел. Опять полежал... Проиграли 0:3... Всю ночь читал Сенеку, пытаюсь понять причину проигрыша, так и не вычитав, уснул.

* * *

Наконец-то отстоял «на ноль» – премиальные за последнюю игру составили 00 руб. 00 копеек. Обещали обнулить и зарплату. Совсем обнулились! А пропустил-то всего 5 голов, правда, наши почему-то не забили ни одного. Всю ночь читал Аристотеля, но причины поражения так и не вычитал, уснул.

* * *

В сегодняшнем матче наконец сыграли всухую! Бутылки из-под сухого, правда, не приняли ни в одном приемном пункте. Говорят, нет тары. Совети у них нет, а не тары! А у меня совесть есть, несмотря на то, что пропустил всего 7 голов! А наши опять почему-то не забили ни одного. Всю ночь читал Чернышевского, пытаюсь понять, кто виноват, что не приняли бутылки, и что с ними теперь делать? Ответа так и не нашел, уснул.

* * *

В последней игре соперники раз 20 попадали в штанги! Здорово! На следующую игру поставлю возле ворот не три штанги, а штук 30! Только бы донести их все из центра тяжелой атлетики, ведь каждая штанга весит килограмм 200... А что делать? Чем больше штанг, тем меньше голов. А их соперники забили аж 10... Всю ночь читал Гёте, пытаюсь сообразить, почему мы опять проиграли, но снова ответа не нашел.

* * *

В сегодняшнем матче судья показал мне красную карточку, объяснив это затяжкой мною времени. А потом втихаря сунул её мне. На карточке оказалось 5000 долларов. Судя по тому, что судья назначил в наши ворота 5 пенальти, а я не взял ни одного, понятно, что судью подкупили. Возможно, подкупили и меня, но целая ночь чтения трудов Конфуция так мне и не дала ответа на этот щекотливый вопрос. Уснул с книгой на груди.

* * *

В последнем матче соперники ударили по моим воротам восемь раз. А мои защитники в ответ ударили ровно 20... По их ногам. Удалили с поля всего, слава Богу, трех моих защитников, остальные получили желтые карточки. В результате мы проиграли только лишь 0:1. Счастье!!! Всю ночь пытался объяснить при помощи Софокла такой счастливый результат, но ответа так и не нашел, уснул.

* * *

Сегодня были сборы. С каждого из нас собрали по 100 тысяч. На дни рождения президента клуба, его жены, сыновей, дочери, собаки, кошки, хомячка, бурундучка и рыбок. Рыбки на радостях обожрались и сдохли. Президент, к сожалению, их примеру не последовал. Жалко! Ночь посвятил чтению трудов академика Павлова, пытаюсь понять, почему выжил собака-президент, но ответа так и не обнаружил, уснул.

* * *

Сегодня был не в форме, поэтому пропустил кучу голов. Сколько – не скажу, это коммерческая тайна из платежной ведомости по моей зарплате. Куда эта чертова форма задевалась, ума не приложу? Пришлось играть в папиных подштаниках и мамином бюстгальтере. Мои защитники меня не узнавали, убегали от ворот, как черт от ладана, а вот нападающие соперники почему-то нет. Всю ночь читал Омара Хайяма, пытаюсь понять, куда подевалась форма. Ответа так и не нашел, уснул.

* * *

Сегодня меня выгнали из команды, сказав, что я не вратарь, а «дырка». Странно, моя фамилия совсем не Дырка! И даже мамина девичья совсем другая. За что меня так, не пойму... Мучает вопрос: «Быть или не быть мне теперь вратарем?» Надо будет на ночь почитать Шекспира, возможно, найду ответ у него...

(на этом записи обрываются)

Дневник вратаря читал (и писал) Антон МАКУНИ

ГАДАЛЬЩИК

В первую ночь Борису Заикину приснился зелёный змий, во вторую – гигантская зубастая акула, в третью – белые тапочки. Утром четвертого дня Заикин не выдержал и побежал к гадалке.

– Зелёный змий – к повышению цен на водку и росту курса доллара, акула – к повышению на рыбу и стоматологию, а белые тапочки – вырастут цены на кладбищенские услуги и обувь.

– Помирать нельзя! – понял Борис, заплатил гадалке и побежал пить

водку. Днём он занял у соседей денег, сбегал на рынок, где обзавелся тремя парами белых валенок и двумя банками килекпряного посола. Вечером он сходил в поликлинику, где ему выдрали четыре зуба, причём два из них – здоровые. На оставшиеся деньги Заикин купил 2 доллара.

После всего сделанного Борису приснилась горящая атомная электростанция.

– К повышению цен на энергоносители, - прокомментировала гадалка очередной Заикинский сон.

– Елки! – заорал Заикин, отдал гадалке 2 доллара, а потом, опять заняв у соседей денег, пулей помчался в магазин, где закупил ящик свечей и пятьдесят больших коробок спичек.

Но тревожные сны не желали оставлять Бориса. В следующую же ночь ему приснился каток-асфальтоукладчик, который делает из него, Заикина, лепёшку своими огромными металлическими колёсами...

– Всё ясно! – скорбно покачала головой Заикину гадалка. – Колёса – к подорожанию лекарств, каток – вздуют цены на автомобили, лепёшка – мука будет стоить бешеные деньги...

Борис снова занял денег у соседей, купил 40 упаковок аспирина и мешок муки. А на оставшиеся 50 рублей приобрёл игрушечную машинку.

В ту же ночь Заикину приснились карты и чашка кофейной гущи.

– Подорожают гадалческие услуги, - объяснила гадалка последний сон Бориса и взяла с него на 100 рублей больше, чем обычно.

В следующую ночь Заикину приснилась долговая яма, а уже утром следующего дня к Борису стали ломиться соседи, требуя отдать долги.

Заикин продал по дешевке кильки, валенки, спички, муку и свечи, а на вырученные гроши приобрёл колоду карт, пачку дешевого молотого кофе и газету бесплатных объявлений, в которой поместил следующий текст: «БОРИС-ЯСНОВИДЯЩИЙ. СТОПРОЦЕНТНОЕ РАЗГАДЫВАНИЕ ЛЮБЫХ СНОВИДЕНИЙ» и далее свой адрес и телефон.

... На следующий же день в квартиру Заикина раздался звонок.

– Вы знаете, сегодня ночью мне приснилась бешеная корова. Что бы это значило? – умоляюще глядя на Заикина, спросила Бориса молоденькая посетительница.

– Либо бешено подорожает молоко, либо кефир, а может быть, и творог... - бесстрастно откомментировал Заикин сон девушки.

Та радостно кивнула, заплатила Заикину 500 рублей и пулей выскочила на улицу. Чуть позже в окно Борис увидел, как она выходит из магазина «МОЛОКО», расположенного как раз напротив его дома, с двумя огромными сумками... Дальше понаблюдать за женщиной Заикину не удалось, поскольку звонок в его квартиру затрещал снова.

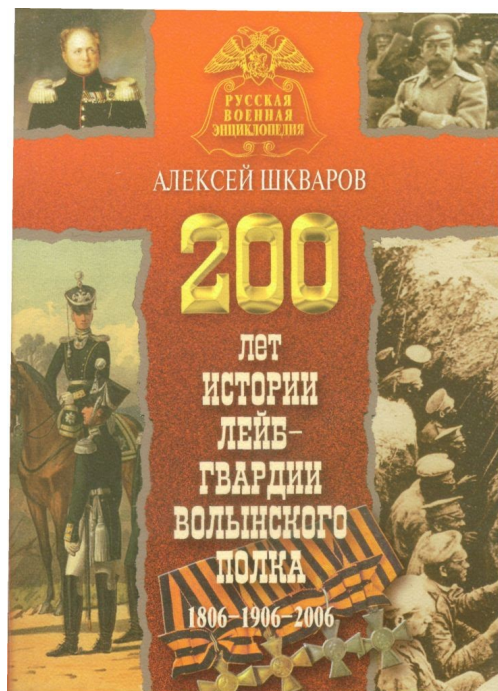
... Через 3 месяца Борис уже ездил на собственном «Мерседесе» последней модели и строил в ближайшем Подмосковье трехэтажный особняк с подземным гаражом и бассейном для собственной яхты. Прогнозы его, как и прежде, были всегда предельно точны...

Книги наших авторов

Алексей Шкваров.
Генерал-лейтенант Маннергейм.
«Рождён для службы царской...» Летопись кавалерийских полков из послужного списка барона К. Г. Маннергейма.

СПб 2005, 3000 экз.

Алексей Шкваров.
200-летие лейб-гвардии Волынского полка. Юбилейная памятка.
1806 – 1906 – 2006.

СПб, 2006, 1000 экз.